

ГЛУХАЯ ЛИНИЯ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Глухая линия

<https://litres.ru/74669379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петроград, осень 1916 года. Вернувшийся с войны телеграфист Егор Расторгуев работает в электротехнической мастерской. Ему поручают разобрать старую частную линию, но аппарат на ней принимает сообщение о военном грузе. В тот же день исчезает его напарник. А вскоре находится акт выполненных работ с подписью Егора — подписью, которую он не ставил.

Контрразведка проверяет бумаги, а мастерская продолжает жить: принимают заказы, требуют расчёта, одалживают чужое имущество. Люди, которым Егор доверял, знают больше, чем говорят. Чтобы выяснить, кто пользуется старой ветвью, ему придётся снова сесть за телеграфный ключ — и решить, какую правду он сам готов передать дальше.

Содержание

Глава 1. Снятая ветвь	4
Глава 2. Чужое место за столом	15
Глава 3. Подпись внизу	29
Глава 4. Квартира Усова	43
Глава 5. Человек с полномочиём	54
Глава 6. Хозяйственная передача	70
Глава 7. Покупка времени	84
Глава 8. На чужой стороне двора	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

А.М. Сунгурский

Глухая линия

Глава 1. Снятая ветвь

Аппарат застучал, когда Егор уже снял со стены первый фарфоровый ролик.

Он придерживал провод левой рукой, чтобы тот не упал Усову на голову, и потому не сразу повернулся. Внизу, у грязного внутреннего окна, стоял письменный стол. На нём лежали пустая папка, обломок сургуча и телеграфный прибор, который по сегодняшнему наряду следовало перенести в кладовую. Прибор был накрыт серой тряпкой. Под тряпкой кто-то торопливо постучал двумя пальцами и замолчал.

— Семён Тимофеевич.

— Слышу.

— Вы включали?

— Слезай сперва. На кого-нибудь наступишь.

Егор посмотрел под ноги. Усов сидел на корточках возле нижнего ящика и придерживал выдвинутую крышку. На его лысине прилипла белая известковая крошка. Усов не стряхивал её: обе руки были заняты, а от дождя, который всю дорогу норовил пробраться за воротник, хотелось поскорее оказаться в сухой конторе с чаем.

Здесь чая не было. Полтора года назад хозяин перевёл товарную контору в передний корпус, и старое помещение за это время успело приобрести особенный запах оставленной работы. Сырые бумаги давно унесли, но их запах держался в стенных шкафах, смешиваясь с олифой. В одном углу росла кучка песка из прохудившегося мешка. На подоконнике стояла чёрная бутылка, в которую кто-то вместо пробки засунул свёрнутый счёт.

Егор положил ролик в карман фартука, закрепил освобождённый провод и спустился. Последнюю ступень он прошёл боком, не сгибая левой ноги. Усов подождал, пока обе его подошвы встанут на пол, и только тогда отпустил крышку.

— По наряду всё снято ещё в марте, — сказал Егор.

— По наряду ты нынче с утра у Адриана Лазаревича на крыше. А стоишь возле меня.

— Там кровельщики.

— Вот и здесь, может, свои кровельщики.

Усов поднялся, кряхтя не столько от усилия, сколько по привычке оповещать окружающих, что уже немолод. Егор за полтора месяца успел заметить: если мастеру действительно становилось тяжело, он ничего не говорил и принимался медленно складывать инструмент. Сейчас Усов вытер ладони о штаны и посмотрел на закрытую дверь в коридор.

Аппарат молчал.

Егор откинул тряпку. Под ней оказался обыкновенный

пишущий прибор Морзе, потемневший, но не разобранный. Бумажная лента тянулась с катушки к прижимному колесу; свободный конец был обрезан ровно, без бахромы. На краю деревянного основания пыль оставалась, а возле заводной головки её стёрли.

Он посмотрел на Усова.

— В кладовую так и несут? С бумагой?

— Бумага весу много не прибавит.

— И с заправленной лентой?

Усов наклонился к прибору, не касаясь его. Взгляд у него сделался сердитым, хотя сердиться было пока не на кого.

— Не трогай ключ.

Егор и не собирался передавать. Ему прежде нужно было понять, какую работу они делают. Большаков выдал наряд на освободившееся помещение: снять старую внутреннюю ветвь, собрать годную арматуру, прибор отнести в кладовую. Завтра сюда придут плотники. Через неделю у передней стены поставят стеллажи для электрических принадлежностей, и ходить придётся уже между ящиками, а не по голому полу. Всё было обыкновенно и понятно, включая хозяйскую торопливость: помещение пустовало, но арендную плату за него, как сообщил утром Большаков, с них брали исправно.

Под внутренним окном щёлкнуло снова.

На этот раз приёмный рычажок двигался долго, неровными группами. Усов завёл механизм и пустил ленту. Она по-

ползла через колёсики, и Егор нагнулся над нею. Первые знаки он пропустил, различив только конец слова; дальше пошли цифры, затем обычное «повторяю».

За полгода дома он почти отвык от этого звука. На службе его иной раз слышали даже сквозь разговор: чья-то речь ещё продолжалась, а рука уже искала карандаш. Сейчас он машинально пошарил по груди. Карандаш лежал не в нагрудном кармане, которого у рабочего передника не было, а в сумке возле лестницы.

— Дайте чем записать.

Усов достал из жилета короткий огрызок.

— Ты ленту видишь.

— Пока вижу.

Он взял чистую оборотную сторону наряда, но Усов тут же подложил другой лист.

— Этот сдать надо.

Егор записал: «...тридцать шесть ящиков. Не с общим грузом. Военная приёмка окончена. До вечернего...» Последнее слово он не разобрал. Прибор остановился, затем выстучал несколько знаков вызова. Кто-то на другом конце ждал ответа.

Усов стоял очень близко. От него пахло мокрой шерстью и табаком; Егор чувствовал это яснее, чем хотелось, и отодвинул локоть, освобождая место у стола.

— Вы знаете, куда она идёт?

— На склад ходила.

— Который?

— Задний. Через двор. Не на главную же станцию.

Егор выпрямился. За задним корпусом был ещё один двор, узкий, почти весь занятый навесом, и большие ворота к проезду. Отсюда их не было видно. Во время первого осмотра Большаков показал ему только переднюю мастерскую, кладовую и комнату, где надо было обедать, чтобы не пачкать столы. Во второй двор за крупными вещами посылали других.

— А на складе знают, что мы снимаем?

— Я им не докладывал.

Усов произнёс это резко, точно Егор задал ненужный вопрос при посторонних. Посторонних в комнате не было. Из коридора доносились удары: грузчик выбивал из рамы старый гвоздь, которым кто-то когда-то подпер дверь. Через двор ехала телега. Лошадь всхрапнула, и возчик ответил ей человеческим словом, не предназначенным для разговора с животным.

Вызов повторился.

Егор посмотрел на ключ. Одного короткого ответа хватило бы, чтобы неизвестный человек продолжил сообщение. Отказать себе в этом было неожиданно трудно. Хотелось, чтобы из короткого обрывка получилось целое, как хотелось подтянуть ослабший винт до надёжного упора. Но тогда на другом конце узнали бы, что здесь кто-то есть.

— Большакова позвать, — сказал он.

— Погоди.

— Чего ждать?

Усов не ответил сразу. Он сунул большой палец за пройма жилета, потом вытащил и провёл по подбородку. Крошка извести наконец свалилась с его головы на плечо.

— Пока договоят. Позовём — примется сейчас рубить. Потом ищи, кто чего перепутал.

— Вы же сказали не трогать.

— И не трогай. Слушать тебе кто запретил?

Егор снова наклонился к ленте. На неё легли ещё несколько коротких групп, потом рычажок застыл. Он подождал. В тишине стал слышен стук дождя о наружный подоконник. В начале пути он думал, что дождь кончился; теперь стало ясно, что он только переменял направление.

— Бумагу отрежем? — спросил Егор.

Усов посмотрел на него с таким недовольством, будто предложение исходило от мальчишки.

— А потом скажешь: тут было написано, я сам видел?

Егор оставил ножницы в сумке. Он записал время по своим часам — без четверти одиннадцать — и рядом поставил вопрос против неразобранного слова. Начало сообщения осталось за краем его понимания, конец тоже. По середине можно было заключить только, что кто-то вёл хозяйственный разговор по линии, которую велели разобрать. Ящики и военная приёмка в Петрограде шестнадцатого года не были редкостью. Даже в их маленькой мастерской наря-

ду с дверными звонками и конторскими телефонами иногда появлялось имущество, которое требовали чинить без разговоров о заказчике.

Он сложил лист один раз, записью внутрь, и положил на свободное место стола.

— Я за Михаилом Фомичом.

— Стой. Я сам.

Усов потянулся за пальто. Оно висело у двери, рукава вывернулись, подкладка одного вылезла наружу. Егор помог ему попасть рукой, и эта обыкновенная неловкость немного ослабила напряжение. Усов подёргал воротник, проверил карманы.

— Оставь пока как есть, — сказал он. — Походи здесь. Тебе сидеть всё равно не полезно.

— Нога моя, Семён Тимофеевич.

— Вот и береги. На лестницу больше не лезь.

Он ушёл, не взяв рабочей сумки. Егор остался возле аппарата. У окна, за старой разводкой, белело место от недавно снятой дощечки. Вокруг него лежала сероватая пыль, а на стене остались две чистые полоски. Он хотел рассмотреть их ближе, но остановился. Подбирать за чужой работой мелкие недоделки было безопасным занятием, пока он не знал о передаче. Теперь любая передвинутая вещь могла оказаться той, о которой его потом спросят.

Он сел на край подоконника, вытянув левую ногу. Вода под стеклом образовала маленькую лужу. Егор поставил каб-

лук на сухое место и стал ждать.

* * *

Большаков пришёл без Усова.

На нём был фартук с прожжённым углом. По пути он успел испачкать сажей щеку, а в пальцах держал винт, о котором забыл, когда его позвали. Сначала он оглядел стену, увидел снятый ролик и неодобрительно качнул головой.

— Так и бросили?

Егор показал на стол.

— Пошла передача. Семён Тимофеевич за вами.

— Он мне сказал. Провод где освободил?

— Вон один. Дальше не снимал.

Большаков подошёл к прибору. Посмотрел на ленту, но читать её не стал. Взял со стола наряд, поднёс к окну и провёл пальцем вдоль строки.

— Старая ветвь, — прочитал он. — Всё верно. Старая.

— Работает.

— Я вижу, что не новая.

— Михаил Фомич, вы говорили, она с марта снята.

Большаков положил наряд. Пальцы его оставили на бумаге две тёмные отметки.

— Мне её с марта снимать велят. Потом велят не снимать. Потом опять велят. Ты думаешь, я тут нарочно себе работу сочиняю?

— Я ничего не думаю. Мне нужно знать, оставлять или разбирать.

— Сегодня оставлять.

Ответ был настолько прост, что Егор почувствовал неловкость. Он поднял сложенный лист.

— Тут про военную приёмку. Я записал, что прочёл.

Большаков взял бумагу, развернул. Теперь прочитал внимательно, шевеля губами. На слове «ящиков» оглянулся на прибор.

— Это всё?

— Начало не видел. И последнее слово не разобрал. Там вопрос стоит.

— А Усов?

— Со мной был.

— Он у меня подождёт, — сказал Большаков, хотя Егор не спрашивал, где тот теперь. — Ты пока в переднюю иди. У Зотова комната без звонка. Обещали ещё в субботу, у него жена лежащая, он к ней каждые пять минут бегают. Сделай сначала это.

— Аппарат кому оставляю?

— Мне.

Егор посмотрел на ленту. Свободный конец загибался на стол, последние знаки были видны без всякого труда. Большаков заметил его взгляд.

— Я не съем, Егор Филиппович.

Он редко называл рабочих по отчеству. Обычно это зна-

чило, что разговор окончен. Егор принял протянутый наряд, положил его в папку с остальными бумагами и стал собирать инструмент. Из фартука вынул фарфоровый ролик, осторожно положил возле стены.

— Этот снят. Остальное нет.

— Вижу.

— Ленту оставил, как была.

Большаков вздохнул.

— Я у тебя её не принимал под опись.

Егор хотел ответить, но в дверях появился молодой человек с небольшим деревянным ящиком. Он не вошёл, только поставил ногу на порог, удерживая дверь от сквозняка. На его тёмном пальто блестели дождевые капли. Лицо было незнакомое, гладкое, с узким ртом, похожим на поспешно проведённую карандашную черту.

— Михаил Фомич, этот сюда?

Большаков повернулся так быстро, что забытый винт упал у него из пальцев.

— На склад. Кто сказал сюда?

— У ворот велели.

— Ну так у ворот и спрашивай. Здесь работа.

Молодой человек перевёл взгляд на Егора, на открытую сумку и на ролик возле стены. Потом перехватил ящик удобнее и отошёл. Егор успел заметить на крышке только след от сорванного ярлыка: бумагу отдирали мокрой, и белые волокна остались между досками.

Большаков нагнулся за винтом.

— За каждым надо ходить, — сказал он. — Будто я их всех родил.

На этот раз в его голосе было знакомое раздражение, не требовавшее объяснений. Егор застегнул сумку и пошёл к выходу. Из коридора он увидел, что старший мастер снял фартук и аккуратно положил его под свободный конец ленты, чтобы не испачкать бумагу столешницей.

Во дворе дождь почти кончился. С крыши всё ещё капало на бочку, и у каждой капли получался свой низкий звук. Молодого человека с ящиком нигде не было. По навесу пробежала кошка, спрыгнула на край телеги и принялась обнюхивать мешок.

Егор остановился под воротами, вынул из кармана часы и завёл их. Только потом вспомнил, что заводил утром. Пружина пошла туже, и он вовремя отпустил головку.

До Зотова было недалеко. Егор мог бы зайти сперва в переднюю контору, найти Усова и спросить, почему тот остался у Большакова. Но сумка оттягивала руку, левая голень ныла после лестницы, а дома Шура утром обещала испечь пирог с капустой, если он наконец придёт вовремя.

Он спрятал часы и повернул к улице. Старую ветвь оставили старшему мастеру. Звонок у лежащей женщины не работал с субботы.

Глава 2. Чужое место за столом

У Зотовых оказалось два звонка. Один, дверной, работал так усердно, что Егор слышал его ещё на лестнице, когда задел кнопку локтем. Другой молчал. Его шнур был протянут от кровати через спинку стула к стене, и на шнуре висел маленький узелок красной шерсти.

— Она за него берётся, — объяснил Зотов. — Пальцы плохо слушаются, гладкое выскальзывает.

Женщина на кровати открыла глаза.

— Я сама могу сказать, Иван.

— Я мастеру объясняю.

— Он меня ещё не спрашивал.

Егор представился. Зотова назвала себя Евдокией Сергеевной и попросила закрыть дверь в коридор: оттуда тянуло. Муж немедленно пошёл закрывать, хотя стоял дальше всех, и по дороге задел боком стол. Блюдечко с чайной ложкой съехало на скатерти. Он подхватил его, долго прилаживал к прежнему месту и только потом исполнил просьбу.

В комнате было жарко. У печи сушились детские чулки, но детей не было видно. На стене возле изголовья висела фотография мужчины в университетской форме. Егор принял его за сына, пока Евдокия Сергеевна не заметила его взгляда.

— Иван до женитьбы. Хорош, правда?

Зотов оглянулся от двери.

— Зачем человека отвлекаешь?

— Он ещё не начал.

Егор улыбнулся и попросил разрешения осмотреть шнур. Евдокия Сергеевна положила ладонь на одеяло. Красный узелок лёг рядом с её пальцами, словно ей нечаянно отдали вещь, которой она уже не может воспользоваться.

Зотов отправился за табуретом. Он принёс два, потом предложил подушку, а когда Егор сказал, что удобнее будет работать стоя, обиделся за свои напрасные хлопоты и принялся объяснять устройство звонка.

— Его делали ещё при прежней прислуге. Потом провод продлили. Я тогда говорил, что нельзя так тянуть через весь коридор, но меня, конечно...

— Иван, у тебя гостиная закрыта, — сказала жена.

— Я знаю.

— Ты сегодня хотел разобрать книги.

— Успею.

— Ты с субботы успеваешь.

Он посмотрел на неё и ушёл. Егор слышал, как открылась дверь через коридор, как Зотов загремел ключами и кашлянул там, где его уже никто не видел.

— Ему стыдно отходить, — сказала Евдокия Сергеевна.

— А мне стыдно звать, когда он наконец отошёл. Вот мы и сидим.

— Сейчас постараемся исправить.

— Звонок исправьте. Нас не надо.

Она сказала это без резкости, даже с некоторой благодарностью за то, что он ещё ничего не предложил. Егор поставил сумку у стены. Работа оказалась небольшой: нарушилось соединение возле кровати, а сам провод вдоль стены был цел. Он возился дольше, чем следовало, потому что следил, чтобы не рассыпать мелкие винты на одеяло. Евдокия Сергеевна смотрела на его руки. Из соседней комнаты доносился шелест бумаг. Несколько раз Зотов подходил к двери, но не входил.

Егор проверил звонок сам, затем передал шнур хозяйке. Она взяла красный узелок двумя пальцами. Звук раздался в коридоре, слишком резкий для такой тихой комнаты.

Зотов появился сразу.

— Что?

Жена посмотрела на него, потом на Егора, и оба засмеялись.

— Работает, Иван.

— Я слышу, что работает.

— Тогда пойді обратно.

Зотов остался стоять. Егор предложил отрегулировать звонок потише, но Евдокия Сергеевна попросила оставить. Ей понравилось, что муж действительно услышал.

При расчёте Зотов долго искал очки, висевшие на шнурке у него на груди. Егор не стал указывать. Подождал, пока хозяин сам нащупает оправу, развернул наряд и показал место, где следовало подтвердить выполненную работу. Зотов

расписался крупно, почти не глядя, потом отодвинул бумагу обратно.

— Вы у Белявского давно?

— С августа.

— А прежде?

Егор не любил этого вопроса именно в такой форме. В нём ещё не было сочувствия, но уже оставалось место для последующего.

— До войны у другого хозяина. Потом служил.

— А сейчас вас...

— Уволили. По здоровью.

Зотов посмотрел на его ногу и поспешно отвёл глаза. Разговор можно было закончить, но он вместо этого принялся рассказывать о племяннике, которого недавно привезли в Петроград с повреждённым плечом. Племянник рвался обратно, врачи не пускали, сестра плакала, а сам Зотов не знал, какую сторону принять. Егор слушал и кивал. Он не знал этого племянника, не видел плеча и не мог дать совет, который не оказался бы случайным.

Из комнаты позвонили.

Зотов прервал себя на полуслове. Егор сложил наряд, поднял сумку и уже у наружной двери услышал голос Евдокии Сергеевны:

— Проводи человека. Я только попробовала ещё раз.

В мастерской его задержали до вечера.

Большаков сначала спросил, всё ли сделано у Зотовых, потом положил перед ним два разобранных комнатных звонка и попросил из двух негодных получить один приличный. Оба принадлежали самому хозяину фирмы; чужой заказ почему-то всегда можно было отложить до завтра, а хозяйский откладывать не полагалось.

Егор работал у окна. По ту сторону стекла грузили длинные ящики, и каждый раз, когда их поворачивали, в комнате становилось темнее. В одном ящике что-то перекатывалось. Рабочие ругались на того, кто паковал, но снова поднимали ношу, не открыв крышки.

— Семён Тимофеевич ушёл? — спросил Егор.

Большаков перебирал мелкие детали в плоской жестяной коробке.

— По делу послал.

— Надолго?

— Не девица. К сроку вернётся.

Егор посмотрел на пустое место Усова. Там стоял стакан с заваркой на дне; старик всегда оставлял немного, чтобы следующий чай казался крепче. На крючке висела рабочая кепка. Утром он пришёл в другой, мягкой, на дождь. Его сумки возле стола не было, но Егор помнил, что она осталась в

старой конторе.

— Ветвь так и оставляем?

— На сегодня — да.

— А что передавали, выяснили?

Большаков поднял голову.

— Ты мне записку принёс?

— Принёс.

— Я её хозяину передал. Что ещё я должен сделать прежде, чем два его звонка заработают?

Егор опустил глаза на снятую крышку. Большаков не кричал. Именно это и затрудняло ответ: с криком можно было спорить, а здесь ему предлагали заняться оплачиваемой работой, и он не находил причины отказаться.

Позже в мастерскую заглянула женщина в тёмном пальто. Она спросила старшего мастера и, увидев Егора у окна, слегка кивнула ему, как уже знакомому человеку. Егор её прежде не встречал.

— Расходные вы не оставляли? — спросила она Большакова.

— У вас всё.

— За субботу нет.

— Значит, у хозяина.

— У хозяина я была.

Большаков вздохнул и стал искать среди бумаг на полке. Женщина ждала, не помогая ему. На руках у неё были перчатки, а в левой ладони — тонкая папка, которую она прижи-

мала к боку, как будто в мастерской было теснее, чем на самом деле. Егор видел её в отражении стекла. Она тоже смотрела на него — не пристально, а так, как смотрят на человека, чьё имя только что встретили в бумагах.

Большаков наконец достал два листа.

— Вот. Забыл.

Она просмотрела их и вернула один.

— Этот уже проведён.

— Тогда этот.

— Я и взяла этот, Михаил Фомич.

Когда она ушла, Большаков обнаружил у себя в руке возвращённый лист и с раздражением сунул его обратно на полку.

— Кто это? — спросил Егор.

— Надежда Антоновна. Счетовод у поставщиков. И у нас заодно. Всем считает, никому не верит.

Он посмотрел на почти собранный звонок.

— Своё время береги, Егор. Она за лишний час тебе не допишет.

Егор хотел сказать, что не просил дописывать, но промолчал. За окном стало заметно темнее. По краю подоконника текла вода, и он вспомнил пирог, который Шура обещала испечь. Взял инструмент быстрее, потом сам себя остановил: от спешки исправная деталь легко становилась третьей негодной.

Пирог лежал на буфете под полотенцем. На обеденном столе, где Егор ожидал увидеть две тарелки, была разложена серая ткань, а на его стуле сидела незнакомая девушка и распарывала шов.

Она вскочила так быстро, что ножницы упали на пол.

— Здравствуйте.

Егор поставил сумку.

— Здравствуйте. Я могу пока на лестнице постоять.

Девушка посмотрела на Шуру, не понимая, серьёзно ли он. Жена сидела у машины, придерживая материю обеими руками. Ногу с педали она сняла не сразу.

— Это мой муж, — сказала она. — Он иногда так здоровается. Нюра, подними ножницы и закончи боковой шов. Егор, с тебя течёт.

Он посмотрел вниз. С пальто действительно натекло несколько капель. Раньше возле двери лежала тряпка, теперь её не было.

— Куда повесить?

— На крючок. Тряпка под умывальником.

Он всё сделал сам, хотя Шура уже поднялась. Ему хотелось показать, что он не требует ухода после каждого рабочего дня. От этого желание сесть и вытянуть ногу становилось каким-то постыдным.

Нюра подобрала ножницы и вернулась к ткани. Девушке было лет семнадцать. Она держала спину прямо, почти неподвижно, а пальцы у неё двигались быстро и неуверенно. Поэтому, как она то и дело смотрела на Шуру, Егор понял: учится.

— Сегодня вторник? — спросил он.

— Понедельник.

— Ты говорила, она по вторникам.

— И по четвергам. Сегодня её отпустили с другого места раньше, я разрешила прийти.

Шура сказала это ровно, но добавлять ничего не стала. Егор сам услышал, как прозвучал его вопрос. Он разулся, прошёл к окну и сел на маленькую скамью. Отсюда можно было видеть двор: на верёвке под навесом висела рубаха, которую всё не снимали, хотя дождь шёл с утра. В соседнем окне кто-то зажёл лампу.

На столе стояла чашка с булавками. Рядом лежала школьная тетрадь со вложенными листами выкроек. Егор взял её, полистал, но Шура попросила не трогать: листы ещё не были сложены по порядку, и она боялась перепутать размеры. Он положил тетрадь на прежнее место. Не знал, куда девать руки, и стал раскладывать на подоконнике оставшиеся в кармане мелочи: ключ, обёртку от куска хлеба, короткий конец бечёвки.

— Ключ-то зачем? — спросила Шура.

— Домой пришёл.

Она посмотрела на него и улыбнулась. Егор улыбнулся в ответ. Они умели рассмешить друг друга, даже когда всё остальное выходило неловко, и он держался за эту способность крепче, чем показывал.

Нюра вскоре закончила. Шура проверила шов, распоролла два стежка и предложила девушке самой найти, где ткань потянуло. Та нашла не сразу. Егор слушал их разговор, сначала с раздражением от собственной ненужности, потом с интересом. Шура не забирала работу из чужих рук, хотя сделала бы быстрее. Она сидела рядом, ждала и только иногда показывала ногтем на место, которое следовало посмотреть ещё раз.

Когда Нюра ушла, в комнате внезапно стало просторно. Жена собрала ткань на край стола, достала тарелки и сняла полотенце с пирога.

— Совсем остыл, — сказала она.

— Я виноват.

— Пирог от этого не согреется. Руки вымыл?

Он вымыл и помог поставить чай. Пирог оказался хорошим, с мягкой серединой и подгоревшим краем, который он любил. Шура отрезала ему этот край, не спрашивая. Егор ел, поглядывая на неё поверх чашки. У жены на переносице оставалась маленькая складка от долгой работы, а у виска выбилась прядь, которую она всё время заправляла и никак не могла удержать.

— Ты бы такую же машину вторую взяла, — сказал он. —

Если учениц будет больше.

— На что?

— Накопим.

— На машину накопим. А куда поставим?

Он оглядел комнату, словно ожидал найти ещё один угол, которого прежде не замечал. За ширмой была кровать. У окна стояла машина, на другой стороне буфет, стол занимал середину. На стене висела полка с его довоенными книгами по электричеству; нижняя доска прогнулась, и Шура подставила под неё деревянную катушку.

— Стол можно подвинуть.

— Я не хочу, чтобы мы всю жизнь его подвигали.

Она сказала это спокойно. Егор перестал жевать.

— Ты про отдельную комнату?

— Про работу. В соседнем доме освобождают маленькую. Хозяйка согласна пускать днём. Я бы взяла двух девочек учить и заказы, которые здесь уже негде разложить.

— Ты с ней говорила?

— Говорила.

— Когда?

— В субботу. Пока ты был в мастерской.

Он положил кусок пирога на тарелку. В его отсутствие Шура разговаривала с хозяйками, спорила с торговцами, носила заказы и решала, что им есть завтра. Он знал всё это. Но всякий раз, когда очередное решение обнаруживалось уже сделанным, его охватывало глупое чувство, будто он снова

вошёл в свою комнату и застал на собственном стуле постороннего человека.

— Я думал, теперь я буду больше приносить, — сказал он.

— И я думала.

— Тогда зачем тебе ещё...

Она подняла на него глаза, и он сам услышал окончание, которое не успел произнести. Ещё трудиться. Ещё волноваться. Ещё жить тем, чем жила, пока его не было.

— Мне нравится, Егор. Не каждый заказ, не каждая торговля. Но Нюра сегодня сама рукав посадила. До этого неделю боялась. Я тоже довольна, понимаешь?

Он посмотрел на сложенную ткань. Девушка сидела здесь всего час, а он успел решить, что она мешает ему вернуться домой.

— Покажи комнату, — сказал он.

— В воскресенье можно. Хозяйка будет.

— Пойдём.

Шура не стала благодарить. Налила ему ещё чаю и спросила, что делал сегодня. Он рассказал про Зотовых, про красный узелок, за который хозяйке было удобнее тянуть. Шура засмеялась над испытанием звонка. Тогда он рассказал и про старую контору.

Сначала говорил как о рабочей путанице. Когда дошёл до передачи, Шура перестала резать пирог.

— А зачем им по двору стучать, если можно дойти?

— Раньше там контора была. На складе сообщали, что

привезли, сколько выгрузили. Не за каждым словом бегать.

— А сейчас?

— Не знаю. Большаков разберётся.

— Ты ему всё отдал?

— Записку. Лента там осталась.

Она задумалась, потом соскребла ножом подгоревшую крошку с полотенца.

— Семён Тимофеевич что сказал?

— Ушёл за Большаковым. Потом его по делу послали.

— Он обычно к ужину домой идёт. Васса Петровна говорила, иначе суп второй раз не греет.

Егор поднял глаза.

— Ты с ней знакома?

— Она мне юбку принесла ушить. Ты сам адрес дал.

Он вспомнил. В августе, когда Усов помог ему устроиться, они говорили о женской работе; Егор назвал Шурино имя и их дом. Потом всё это выпало из головы, а женщины встретились, договорились, успели узнать привычки мужей. Ему стало смешно и немного стыдно.

После ужина он помог убрать. Когда Шура нагнулась за упавшей катушкой, Егор перехватил её за талию и притянул к себе. Она упёрлась ладонью ему в грудь.

— Я с иголкой.

— В кого?

— Пока ни в кого.

Она воткнула иглу в подушечку на столе и поцеловала его.

От неё пахло чаем, тёплой тканью и чем-то прежним, что он узнавал всякий раз раньше, чем успевал назвать. Егор закрыл глаза. Шура провела рукой по его волосам и больше не отстранялась.

Позже, уже в постели, она спросила, болит ли нога. Он ответил, что терпимо. Она не стала спорить с этим словом, только подложила свёрнутое одеяло, как делала в первые недели после его возвращения.

— В воскресенье не забудешь? — спросила она.

— Про комнату?

— Про меня. Комната и без нас постоит.

Он взял её ладонь под одеялом.

— Не забуду.

За стеной кашлял сосед, на лестнице кто-то долго искал ключ. Егор слышал эти звуки, потом перестал различать. Перед самым сном вспомнил аппарат под тряпкой и хотел сказать Шуре ещё что-то, но она уже ровно дышала рядом. Он оставил разговор до утра.

Глава 3. Подпись внизу

Во вторник Усов не пришёл, и до половины десятого это никого не испугало.

Большаков сердился. Подмастерье Сенька обрадовался, потому что Семён Тимофеевич собирался с утра пересчитать выданные ему наконечники. Егор занялся звонком, который вчера не успел окончательно собрать. Время от времени он смотрел на дверь, но всякий раз появлялся кто-нибудь другой: рассыльный, женщина за утюгом, соседний хозяин, жаловавшийся на пропавшего мальчишку. Тот, как выяснилось, ушёл за булками и задержался в очереди.

Когда явился Белявский, в мастерской стало тише, хотя никто не подавал знака.

Хозяин был невысок и носил пальто так аккуратно, что Егор каждый раз замечал собственные засаленные манжеты. Он здоровался со всеми, даже с Сенькой, но отвечать следовало быстро: Белявский уже смотрел на следующего человека. В этот раз он задержался возле стола Усова.

— Семён Тимофеевич ещё у поставщиков?

Большаков поднял голову.

— Должен был вернуться.

— Хорошо. Как придёт, ко мне. Расторгуев, вы тоже зайдёте. Сейчас.

Егор положил отвёртку. Белявский не сказал, взять ли бу-

маги, и он на всякий случай сунул в карман вчерашние наряды. От Зотова получил подпись; наряд на старую ветвь остался незакрытым. На нём так и виднелись две тёмные отметки пальцев Большакова.

Кабинет хозяина находился в передней конторе. Егор заходил туда один раз, когда его принимали на работу. Тогда главным в комнате казались часы с длинным маятником и крупный портрет покойного отца Белявского, смотревшего мимо посетителя. Теперь он заметил ещё одну дверь возле шкафа: из неё вышла Надежда Антоновна с пачкой бумаг и села за небольшой стол у окна.

— Доброе утро, — сказал Егор.

— Доброе.

Она узнала его сразу. На столе перед нею лежали счёты. Несколько костяшек были потёрты сильнее прочих; Егор зачем-то задержал на них взгляд, пока хозяин снимал пальто.

— Вы вчера доложили Михаилу Фомичу об обмене по старому проводу, — сказал Белявский.

— Да.

— Сядьте. Не будем разговаривать как на поверке.

Егор сел. Левая нога оказалась под низкой перекладиной, и пришлось сразу переставить стул. Белявский дождался, не помогая и не делая вида, что не видит. Потом положил перед ним знакомую карандашную записку.

— Это ваше?

— Я записал с ленты.

— Полностью?

— Начало пропустил. И последнее слово. Я вопрос поставил.

— Я вижу вопрос. Вы почему решили, что линия не должна действовать?

Егор вынул наряд. Хозяин просмотрел его и протянул Петриной. Та поднесла бумагу к свету, словно проверяла не слова, а качество самого листа.

— Здесь указано снять старую ветвь, — сказал Белявский.

— Не указано, что она не действует.

— Михаил Фомич сказал, с марта снята.

— Михаил Фомич мог неточно выразиться.

— Мог.

Егор чувствовал, что отвечает осторожнее, чем нужно. Ему не хотелось выглядеть человеком, который ради оправдания обвиняет старшего мастера. Ещё меньше хотелось принять объяснение, которое изменяло вчерашний день прямо у него на глазах.

Белявский раскрыл папку.

— Недоразумение, видимо, возникло потому, что по хозяйству эту ветвь уже исключили, а для особого заказа временно восстановили. Вы ведь сами участвовали в восстановлении.

Егор посмотрел на него.

— Нет.

— В августе.

— В августе меня там не было.

Белявский вынул лист и повернул к нему.

На бумаге стояло: «По внутреннему сообщению между прежней конторой и задним складом». Ниже перечислялись исправления, часть которых Егор мог бы выполнить, а часть требовала предварительного осмотра. Дата — двадцать третье августа. Под ней было его имя, фамилия и подпись.

Он узнал подпись прежде, чем понял, что с нею не так.

Первую букву он всегда начинал низко, почти на строке, а последнюю выводил вверх, отрывая перо уже после росчерка. Здесь было то же самое. Небольшой излом в середине фамилии, слишком тесные последние буквы, длинная черта вправо. Чужой человек мог бы показать ему эту подпись без имени, и он сказал бы: моя.

Егор придвинул лист ближе.

— Это откуда?

— Из наших бумаг, — ответил Белявский. — Надежда Антоновна вчера принесла. Работа оплачена.

Петрина поправила край папки.

— Оплачена по расходу на внутреннюю связь. Я принесла подтверждения, которые были приложены.

— Вы мне платили? — спросил Егор.

— Лично вам — нет.

— Тогда кому?

— В этой строке получатель не вы.

Он поднял глаза на хозяина. Белявский поморщился,

словно вопрос отвлекал их от более простого дела.

— Деньги могли выдать старшему. Вы могли расписаться за исполнение. Речь пока не о деньгах.

— Я не выполнял.

— Но подпись ваша?

— Похожа.

Белявский откинулся на спинку стула. Его отец на портрете смотрел всё в ту же сторону, за левое плечо Егора. Маятник ходил равномерно, и это почему-то раздражало больше всего.

— Егор Филиппович, — сказал хозяин мягче, — вам может казаться, что вы должны что-то скрывать из-за характера заказа. Мне скрывать не нужно. Я хозяин предприятия.

— Я от вас ничего не скрываю.

— Подумайте. Вам могли сказать: об этом не разговаривать. Семён Тимофеевич человек старой выучки, он иногда придаёт словам лишнюю торжественность. Но сейчас мы разбираем собственную работу.

Егор положил ладони на колени, чтобы не потянуться за листом. Он представил, как бумага рвётся, как белая полоска отделяется от подписи. На одно мгновение это показалось самым прямым способом остановить разговор. Потом он посмотрел на Петрину. Она уже следила за его руками.

— Я двадцать третьего был на другом заказе, — сказал он.

— На каком?

Он не знал.

Август стоял в памяти жаркой лестницей, чужими передними, лавкой, куда надо было возвращаться за забытой мелочью. Он помнил первый большой заказ, потому что Шура потом оттирала с его пальцев краску. Помнил дождь в пятницу и обед с Усовым в маленьком заведении возле мастерской. Но поставить эти события в ряд по числам не мог.

— Посмотреть надо.

— Посмотрим, — сказал Белявский. — У нас нет желания вас в чём-либо обвинять. Надежда Антоновна, рабочие за август найдутся?

— Найдутся. Не все здесь.

— Тогда найдите.

Петрина встала. Егор ожидал, что она заберёт лист с подписью, но бумага осталась на хозяйском столе. Когда женщина вышла, Белявский придвинул её к себе.

— Вы прежде с документами работали?

— По службе.

— Тогда должны понимать: сегодняшнее «не помню» иногда мешает больше, чем вчерашняя ошибка. Если приказ был исполнен, ничего ужасного нет. Если подпись не ваша — это уже другое дело.

— Я помню, что не был в том помещении. Вчера первый раз туда зашёл.

— С Семёном Тимофеевичем.

— Да.

— Вот его и подождём.

Хозяин произнёс это как решение, после которого можно было вернуться к обыкновенной работе. Егор почувствовал, как у него вспотели ладони. Он ещё ни разу не видел, чтобы начальник прямо предлагал ему согласиться с чужим поступком, и не знал, как вежливо отказать во второй раз, чтобы отказ не стал звучать слабее первого.

— Мне нужна копия, — сказал он.

Белявский поднял брови.

— Для чего?

— Чтобы не помнить по памяти то, что я не делал.

— Странно выражаетесь.

— Я бы сам переписал. При вас.

Хозяин некоторое время молчал. Потом открыл ящик, достал чистую бумагу и подвинул чернильницу. Егор попросил вернуть ему лист. Белявский положил его посередине стола, не выпуская нижнего края из пальцев.

Егор переписал дату, название работы, перечень и номер в верхнем углу — сорок семь. Подпись воспроизводить не стал. Вместо неё написал: «Подпись: Е. Расторгуев», затем ещё раз сверил всё с оригиналом. Перо скрипело. Из соседней комнаты доносился голос Петриной, которая требовала подать ей папку за август, а не за апрель.

Когда он закончил, хозяин забрал оригинал.

— И ещё одно. О военных заказах в мастерской не рассуждать. Вы сообщили, мы разбираемся. Не нужно, чтобы мальчишки разносили по дворам собственные объяснения.

— Я никому не объяснял.

Он вспомнил вчерашний разговор с Шурой и сразу почувствовал себя так, словно уже солгал. Белявский не мог знать о разговоре, но смотрел на него внимательно.

— Тем лучше.

* * *

Петрина нашла августовские наряды после полудня.

Она позвала Егора в маленькую комнату за кабинетом, где стояли два стола, шкаф и стул с отломанным краем сиденья. На шкафу лежал свёрнутый половик. Его вынесли на лето и, видимо, забыли вернуть, хотя холод уже пробирался от пола.

— Смотрите, — сказала она. — Вот двадцать второе. Вот двадцать третье. Двадцать четвёртое у Большакова ещё не закрыто.

Двадцать третьего Егор исправлял проводку в квартире купца Стрижова. Он вспомнил лестницу, зелёную стену передней и мальчика, который всё время пытался унести отвёртку. Вспомнил даже корзинку с грибами, стоявшую возле кухонной двери. Числа не помнил, но всё остальное вернулось сразу.

— Я там до вечера был.

— Здесь часа нет.

— Хозяйка подтвердит.

— Возможно.

Петрина не возражала и не помогала. Он понял, что она тщательно оставляет между ними расстояние, на котором её слова нельзя будет принять за поручительство.

На наряде Стрижова стояла другая его подпись: короткая, торопливая, без последнего росчерка. Бумага была испачкана краской с пальцев, после этого заказа Шура и оттирала ему руки. Егор поднёс лист ближе.

— А за начало месяца?

— Что ищете?

— Где ещё расписывался.

Она подвинула стопку. Егор просмотрел первые листы, узнавая собственные пометки. На одном остановился. Четвёртое августа: приём в работу двух рубильников из конторы на Лиговской. Тогда он торопился показать Большакову, что разбирается, и подписал документ особенно старательно. Первую букву вывел низко, последние тесно, черту вытянул вправо.

Он достал свою копию показанного утром акта, хотя подпись туда не переносил. Посмотрел на неё, потом на подлинный августовский лист и ощутил бесполезность всего, что успел записать у хозяина.

— Мне ещё раз тот посмотреть надо.

— Адриан Лазаревич уехал.

— Когда вернётся?

— К вечеру. Может быть.

Егор удержал пальцем наряд от четвёртого августа.

— Этот не убирайте.

Петрина посмотрела на его руку.

— Я его не выбрасываю.

— Не теряйте, пожалуйста.

— Егор Филиппович, я вам дала бумаги. Не нужно после этого объяснять мне, как их хранить.

Он убрал руку.

— Простите.

Она закрыла папку, но лист от четвёртого августа положила отдельно. Егор заметил это уже в дверях и обернулся.

— А Семён Тимофеевич приходил?

— Нет.

— Вы его вчера видели?

Петрина помедлила.

— Утром. До того, как вы пошли в заднюю контору.

— После — нет?

— После — нет.

Он хотел спросить, к каким поставщикам его послал Большаков, но в комнату вошёл человек в светлом жилете, с аккуратной бородкой и большой связкой ключей в руке. Ключи звякали при каждом движении, будто он нарочно не давал забыть о своём появлении.

— Надежда Антоновна, мне накладные нужны. Михаил Фомич опять говорит, что у вас.

— Которые?

— На вчерашние ящики.

Он заметил Егора и приветливо наклонил голову.

— Владимир Сергеевич Озеров. Вы новый мастер?

Егор назвал себя.

— Слышал. Семён Тимофеевич вас хвалил. Говорил, руки спокойные.

Егор посмотрел на него внимательнее.

— Вы его видели вчера?

— Здесь видел. А что?

— Не пришёл сегодня.

Озеров перестал перекладывать ключи.

— Не пришёл? Странно. Он всегда раньше всех.

Петрина подняла на него глаза. Егор заметил её движение и не понял, к чему оно относилось — к словам об Усове или к тому, как внезапно замолчали ключи.

— Михаил Фомич сказал, по делу послал, — произнёс он.

— Значит, по делу, — ответил Озеров. — Вы у него спросите. Он иногда отправит человека, а потом сам ищет.

В голосе была добродушная насмешка над Большаковым, которую здесь, должно быть, слышали не раз. Петрина подала накладные. Озеров поблагодарил её и вышел вместе с Егором.

В коридоре он придержал дверь.

— Вы не тревожьтесь раньше времени. Семён Тимофеевич крепкий человек. Я его лет десять знаю.

— А у вас он работает?

— По нашим заказам бывает. И у вас по нашим. Город

тесный.

Он пожал Егору руку и ушёл во двор. Через окно было видно, как он остановил возчика, взял у него бумагу и стал объяснять что-то, показывая ключом в сторону ворот. Егор пошёл искать Большакова.

* * *

Старший мастер оказался на складе. Он стоял на бочке и проверял крепление полки, которую плотники повесили слишком низко. Его можно было окликнуть из дверей, но Егор дождался, пока он спустится.

— Семёна Тимофеевича куда послали?

— Спросить хотел? Спрашивай.

— Я спросил.

Большаков вытер лицо рукавом. На этот раз сажа лежала на другой щеке.

— Сам он пошёл. К человеку, от которого заказ приходил.

— Вы сказали, послали.

— Значит, разрешил. Что тебе от слова?

Егор чувствовал, как в нём поднимается злость. Она была удобнее страха и позволяла говорить прямо.

— К какому человеку?

— Не сказал. Вернусь, говорит, после обеда. Я ещё просил к Зотову зайти, он отказался. Тебя послал.

— А когда вы к нам пришли, вы сказали, он у вас подо-

ждёт.

Большаков посмотрел ему в глаза.

— Я думал, подождёт. Он вышел раньше меня. Ты мне каждое слово теперь предъявлять будешь?

— Он домой не вернулся?

— Я у него дома не был.

Это было всё, что Егор мог получить. Он постоял ещё немного, глядя на бочку, с которой только что слез Большаков. Если бы старший мастер упал и расшибся, все немедленно знали бы, что делать: поднять, позвать врача, сообщить хозяину и семье. Семён Тимофеевич просто не пришёл, и каждый продолжал считать, что о нём должен знать кто-нибудь другой.

— Я к нему схожу, — сказал Егор.

— До конца дня?

— Да.

Большаков открыл рот, чтобы возразить, но потом только махнул рукой.

— Сумку его возьми. Если дома, передашь.

— Она в старой конторе.

— Уже нет. Я велел убрать.

Егор вернулся в мастерскую. Под столом Усова стояла его потёртая сумка. Кожаная ручка была обмотана бечёвкой; Егор сам помогал затягивать её на прошлой неделе. Он поднял сумку, убедился, что замок закрыт, и повесил на плечо рядом со своей.

У ворот его догнал Сенька.

— Егор Филиппович, если он дома... Вы про наконечники не говорите. Я пересчитал. Одного нет.

— Найди.

— Я искал.

— Тогда завтра скажешь сам.

Мальчишка остался у ворот. Егор пошёл по Лиговской, чувствуя тяжесть двух сумок и собственную беспомощную злость. В кармане лежала копия бумаги, по которой он восстановил линию, где впервые побывал вчера. Он всё время касался её через ткань, точно лист мог исчезнуть, если перестать проверять.

Глава 4. Квартира Усова

Васса Петровна открыла дверь и прежде всего посмотрела на сумку.

— Где он?

Егор снял с плеча обе ноши. На лестничной площадке пахло бельём и мокрой щепой. За спиной хозяйки был виден узкий коридор, в конце которого горела лампа.

— Я думал, дома.

Она посторонилась. Не пригласила словами, только отступила от порога, пропуская его вместе с инструментами.

— Сумку зачем принесли?

— Михаил Фомич велел. Если Семён Тимофеевич дома, передать.

— А если не дома?

Егор не ответил. Она сама взяла сумку мужа и поставила на табурет. Рабочая куртка Усова висела тут же; ворот у неё был зашит новой тканью, темнее остальной. Васса Петровна поправила рукав, который зацепился за ручку сумки, и повела Егора в комнату.

На столе стояли две чашки, одна пустая, другая с недопитым чаем. Под второй лежал сложенный вдвое лист бумаги; на его краю расплывался чайный след.

— Он не ночевал? — спросил он.

— Вы мне сперва скажите, когда видели.

Егор рассказал про утреннюю разборку, про то, как Усов пошёл за Большаковым. О передаче он сказал коротко: линия оказалась действующей. Васса Петровна слушала, держа руки на коленях, и ни разу не перебила. Только когда он дошёл до слов старшего мастера «по делу послал», подвинула к нему бумагу из-под чашки.

— Это вчера принесли. Вечером.

На листке было написано: «Васса, я задержусь по работе. Не тревожься. Вернусь, как отпустят. Семён». Почерк был мелкий, неровный. Внизу от чашки отпечатался полукруг.

— Он так пишет? — спросил Егор.

— Так.

— Значит, жив был вечером.

— Вы знаете, когда написал?

Егор замолчал. Даты на записке не было.

Васса Петровна взяла бумагу обратно, разгладила ладонью и положила на сухую часть стола.

— Я утром к вам собиралась. Потом подумала, что он раньше меня вернётся. И что скажет? Ушла искать, а дома никого. Сидела до обеда. После обеда опять то же подумала.

Она произнесла это без жалобы, будто объясняла, почему не успела вымыть пол. На подоконнике стояла миска с картофелем. Две очищенные картофелины потемнели на краю; третья, наполовину очищенная, лежала в воде вместе с ножом.

— Кто принёс?

— Мальчик. Из писчебумажной лавки, которая за углом. Я его знаю. Мать у них полы моет. Спросила, где Семён, он говорит: мне дали отнести.

— Дал сам Семён Тимофеевич?

— Не спросила. Он уже убежал. Я думала, утром вернётся.

Егор понял, что она сердится на себя, и попытался сказать что-то успокаивающее. Но Васса Петровна подняла руку.

— Не надо. У вас жена есть. Вы бы ей такое написали?

— Если бы задержали.

— Вот. Если бы задержали. А не если сам работу нашёл.

Она снова показала на строку «как отпустят». Егор прочитал её ещё раз. Ничего прямо угрожающего в ней не было. Своим «отпустят» Усов мог назвать хозяина, военного заказчика, человека, который торопил с починкой. Но Васса Петровна слышала в записке мужа то, чего не слышал Егор, знавший Усова только по работе.

— Когда он ещё не ночевал? — спросил он.

Она посмотрела на него внимательно.

— Бывает. Не часто. Если за город по работе, может и остаться. Только вещи возьмёт. Рубашку. Бритву. На два дня в одной он не любит.

Егор вспомнил сумку, оставленную под столом в старой конторе.

— Вчера ничего не брал?

— Завтрак взял. И деньги у меня попросил на извозчика.

Я ещё сказала: ты сперва на работу дойди, потом распорядись. Он посмеялся. Пошёл пешком.

Васса Петровна встала и открыла ящик комода. Достала чистую рубашку, положила на стул, затем бритвенный прибор в маленьком футляре.

— Вот всё. Где было, там и лежит.

Она постояла перед открытым ящиком, потом закрыла его так осторожно, словно внутри кто-то спал.

Егор спросил, не оставлял ли муж адреса заказа. Оказалось, у Усова была записная книжка, которую он носил при себе. В рабочей сумке лежали только инструменты, старые квитанции и обёрнутый в бумагу хлеб. Васса Петровна сама расстегнула застёжку и вынула хлеб. Он засох по краю, но внутри ещё поддавался пальцу.

— Не поел, — сказала она.

Егор отвернулся к окну. Из двора доносился детский крик, потом смех. Кто-то стучал половиком о перекладину. Обычный вечер, в котором один человек не вернулся домой, а остальные пока не знали, насколько это важно.

— Давайте к мальчику сходим, — предложил он. — Узнаем, кто дал записку. Потом, если ничего...

— В полицию.

— Да.

Она посмотрела на него с облегчением, которого он не ожидал. Ему казалось, что слово напугает её, а она, видимо, ждала, чтобы кто-нибудь произнёс его вместе с ней.

— Только я переоденусь, — сказала Васса Петровна. — Вы пока посидите. Чай налить?

— Не надо.

— Налью. У меня всё равно вода горячая.

Она достала третью чашку и поставила перед ним. В доме, где ждали пропавшего, ему вдруг дали место за столом, и от этого стало тяжелее, чем на лестнице.

* * *

В писчебумажной лавке мальчика не было. Хозяин сперва решил, что они пришли жаловаться на недостачу, и начал объяснять, что товар отпускает сам. Когда Васса Петровна назвала мальчика Мишкой и сказала про записку, хозяин перестал поправлять бумажные стопы.

— А что за записка?

Она показала. Он прочёл, нахмурился и позвал жену.

Та вышла из задней комнаты с полотенцем через плечо. Выслушала, поглядела на Егора, потом сказала мужу, чтобы не кричал, когда Мишка придёт. Мальчик и так весь день боялся, что его заставят платить за разбитую чернильницу.

— Он на улицу побежал, — сказала она. — Сейчас приведу.

Егор остался возле прилавка. На полках лежали тетради, конверты, коробочки с перьями. Маленькая лавка казалась наполненной средствами для чужих важных слов. Здесь мог-

ли купить бумагу для любовного письма, долгой расписки, просьбы о помощи. Его копия акта тоже была на таком обыкновенном листе, и он подумал, что человек, подписавшийся за него, наверняка не испытывал никакого особенно-го чувства, когда брал перо.

Мишку привели через несколько минут. Он был худой, в короткой куртке, из которой торчали запястья. Увидев Вассу Петровну, он сразу заговорил:

— Я отдал. Прямо ей отдал. Она сама дверь открыла.

— Мы знаем, — сказал Егор. — Кто тебе дал?

Мальчик посмотрел на хозяина лавки. Тот не выдержал:

— Отвечай, тебя спрашивают!

Жена положила ему руку на локоть.

Мишка сказал, что записку дал мужчина у ворот соседнего дома. Мужчина спросил, не знает ли он, где живёт Усов, и мальчик ответил, что знает. За доставку ему дали мелкую монету. В лавку он потом вернулся, ничего не взял и никуда больше не ходил.

— Я не про лавку, — сказал Егор. — Мужчина какой?

— В пальто.

— Молодой? Старый?

— Не старый.

— Борода была?

Мишка задумался. Егор вдруг понял, что ещё один вопрос — и мальчик начнёт угадывать нужный ответ. Он остановился, попросил показать, где стоял человек.

Они вышли на улицу. Васса Петровна осталась возле лавки с хозяйкой. Мишка провёл Егора к воротам, остановился под каменной аркой и ткнул пальцем в стену.

— Тут. Я шёл с клеем. Он спросил.

— Лошадь была? Телега?

— Телега на улице стояла. Не знаю, его или нет. Там все стоят.

Из тёмного двора пахло углём. Егор шагнул под арку, огляделся. Ничего, кроме мусорного ящика и закрытых дверей, не увидел. Человек мог уйти через двор, мог вернуться на улицу, мог сесть на любую подводу. Маленький кусок достоверного пути закончился у стены.

— Спасибо, — сказал он.

— Я деньги не украл.

— Я не говорил, что украл.

— Хозяин сказал, если чужие поручения брать...

Егор посмотрел на него. Мальчик тёр ладонью рукав, как будто пытался стереть с него невидимое пятно.

— Ты записку отнёс куда просили. Про остальное я с хозяином поговорю.

Он вернулся к лавке и действительно поговорил. Не стал утверждать, что мальчик всё сделал правильно, только попросил не наказывать за то, чего тот не мог знать. Хозяин недовольно выслушал и сказал, что воспитывать его работников ему помогают все, кроме тех, кто возмещает разбитое. Жена велела Мишке идти за прилавок.

Васса Петровна держала записку в руке. Егор заметил, что она успела сложить её вчетверо, и попросил больше не мять. Она быстро развернула лист, разгладила о ладонь и сунула в сумочку.

— Теперь идём? — спросила она.

Он кивнул.

* * *

В полицейской части пришлось ждать.

На скамье сидела женщина с мальчиком, уснувшим у неё на коленях. Чуть дальше двое мужчин спорили о возе дров; каждый раз, когда один замолкал, другой начинал с самого начала. За перегородкой звенел телефон. Человек при столе слушал всех с выражением крайней усталости, которое Егор поначалу принял за неприязнь.

Васса Петровна села, сложив руки на сумочке. Егор остался стоять. Он понимал, что если сейчас сядет, подняться будет труднее, а ему хотелось сохранить хотя бы видимость готовности действовать.

Когда их позвали, Васса Петровна заговорила сама. Назвала мужа, возраст, занятие, время ухода. На вопрос, случилось ли прежде, что он оставался на работе, ответила честно: случилось. Егор увидел, как человек за столом чуть отвёл перо в сторону.

Тогда она достала записку.

— Но так не писал.

Он прочёл. Спросил, кто принёс, и записал объяснение про мальчика и ворота. Егор добавил, что Усов вчера ушёл без рабочей сумки, собирался вернуться после обеда, а на работе никто не знает, куда он направился.

— Вы с ним вместе служите?

— Работаю. У Бежавского, электротехническая мастерская.

— Он вас послал искать?

— Нет. Я сам.

Человек спросил адрес хозяина и фамилию старшего мастера. Егор отвечал. Пока он говорил, Васса Петровна смотрела на записку, лежавшую уже по другую сторону стола.

— Её заберут? — спросила она.

— Для выяснения понадобится.

— Мне бы хоть переписать.

Егор хотел сказать, что помнит слова, но остановился. Утром он уже понял, чего стоит память, когда рядом лежит бумага с другим смыслом.

Им дали время переписать записку. Васса Петровна вывела слова медленно, плохо держа перо. Егор не забрал его из её руки. Потом человек за столом записал, что первоначальный лист принят, и велел подождать: нужно было передать сведения дальше.

— О чём работа? — спросил он, прежде чем отойти.

Егор рассказал о внутреннем телеграфе. Услышав про во-

енную приёмку, человек перестал смотреть на дверь.

— Что именно передавали?

Егор повторил только то, что успел прочесть. Отдельно сказал, что начало и конец пропустил. Человек попросил написать это самому. Тогда Егор вынул из кармана копию акта и объяснил, почему пришёл не только из-за исчезновения Усова.

Рассказ занял гораздо больше времени, чем он ожидал. Нужно было каждый раз отделять вчерашнее от сегодняшнего, собственные слова от слов Большакова, подлинный наряд от бумаги, которую ему показал хозяин. Несколько раз его переспрашивали. Один раз он раздражённо ответил, что уже говорил, но увидел усталые глаза собеседника и повторил ещё раз.

— Вы полагаете, это связано? — спросил тот.

— Не знаю.

— Тогда так и пишите.

Егор написал. Ему не понравилось, как слабо выглядит на бумаге то, что весь день держало его за горло. Потом он прочёл свой рассказ и понял, что добавить к нему пока нечего.

Из другой комнаты вышел ещё один служащий. Он задавал меньше вопросов, но внимательнее смотрел на ответы. Уточнил, где лежат оригиналы, кто видел ленту, кому Егор успел рассказать о передаче. На этот раз Егор называл Шуру.

Служащий записал адрес Расторгуевых и попросил Егора явиться на следующий день утром. Саму бумагу с подписью

велел не забирать силой у хозяина и ничего не пытаться самостоятельно выяснять на линии. Сказал, что сообщение о возможных военных сведениях передадут по принадлежности.

Егор спросил, что делать Вассе Петровне.

— Если муж вернётся, немедленно сообщить. Если кто-то принесёт ещё записку — сохранить. По больницам сведения проверят.

Она подняла голову на слове «больницы», но не стала задавать вопрос, на который никто здесь не мог ответить.

Когда они вышли, уже стемнело. Егор проводил её до дома. У двери она достала ключ, не сразу попала в замочную скважину и вдруг остановилась.

— Вы завтра ко мне зайдите. Даже если ничего.

— Зайду.

— Александре Никитичне скажите, юбку я пока не беру.

— Скажу.

Васса Петровна кивнула. Вошла, зажгла свет в передней и только после этого закрыла дверь. Егор стоял на лестнице, пока не услышал её шаги в комнате.

Домой он шёл медленно. Завтра надо было снова явиться в часть. Он сам отнёс своё имя туда, откуда его уже нельзя было забрать одним разговором с хозяином.

Глава 5. Человек с полномочиём

Шура ещё не ложилась. Она сидела на кровати, собираясь пришить пуговицу к собственной кофте. Увидев Егора, воткнула иглу в подушечку и встала.

— Где ты был?

Он ответил сразу, не успев придумать, с чего начать помягче:

— В полиции.

Шура остановилась возле стола. Пуговица осталась у неё в пальцах.

— Тебя задержали?

— Сам пошёл. С Вассой Петровной. Семён Тимофеевич домой не возвращался.

Он поставил сумку, снял пальто и рассказал про квартиру Усова, мальчика, записку. Шура слушала стоя. Когда он дошёл до полицейской части, она опустилась на стул и положила пуговицу перед собой.

— А у хозяина спросили?

— Спросят. Я его адрес дал.

— Хозяин не знает, где его мастер?

— Говорит, что не знает.

— Ты обедал?

Егор удивился вопросу, потом понял, что она уже перебирает в уме всё, чего ему сейчас не хватает. От этого стало

и легче, и досаднее. Он кивнул, хотя вспомнил только чай у Вассы Петровны и хлеб, съеденный на работе.

— Тогда садись. Что у тебя ещё?

— Почему ещё?

Шура посмотрела на его руку. Он держал карман пальто, которое уже повесил на крючок, и не отходил от двери.

Егор вынул копию акта. Положил на стол, рядом с пуговицей.

Шура прочла до конца. Потом повернула лист к свету, будто на обороте могло быть объяснение.

— Это ты переписал?

— Да.

— А твоя подпись где?

— Там, у Белявского. На настоящем листе. Только не моя.

— Похожая?

— Очень.

Она подержала бумагу за угол и снова положила. Егор рассказал о двадцать третьем августа, о Стрижове, о другом наряде, который Петрина отыскиала в папке. Пока говорил, ему снова захотелось, чтобы Шура немедленно вспомнила тот день: краску на пальцах, позднее возвращение, любое слово, которое можно будет поставить рядом с числом. Она честно попыталась.

— Руки отмывали, да. Ты ещё испортил полотенце. Но число я не помню.

— Полотенце зелёное было?

— Белое. После тебя — неизвестно какое.

Егор усмехнулся. Она не улыбнулась.

— Ты хочешь, чтобы я вспомнила то, чего не помню?

— Нет.

— Тогда не спрашивай про цвет. Я сейчас начну приду-
мывать.

Он сел. Левый сапог пришлось снимать, взявшись обеими руками; Шура потянулась помочь, но остановилась, когда он мотнул головой. Нога наконец освободилась, и он несколько мгновений сидел, держа сапог на весу. От его собственного запаха стало стыдно, как от какой-то несдержанности.

— Я сказал про тебя, — произнёс он.

— Кому?

— В части. Спросили, кто знает про передачу. Я вчера тебе рассказал.

— Правильно сказал.

— Если придут спрашивать...

— Отвечу. Только я ведь ничего не слышала сама.

— Так и отвечай.

Шура убрала пуговицу в коробочку. Теперь она могла бы снова шить, но не взяла кофту.

— Егор, у тебя от этой бумаги что может быть?

Он хотел сказать: ничего. Слово уже стояло готовое, удобное для них обоих. Потом вспомнил, как Васса Петровна спросила, откуда он знает, когда муж написал записку.

— Не знаю.

Шура долго смотрела на него.

— Завтра куда?

— С утра туда же. Потом к Вассе обещал зайти. Мастерская завтра закрыта.

— Ей передай: за юбку пусть не думает. Я сама занесу, когда она велит. И скажи, что можно прийти сюда. Не обязательно из-за шитья.

— Скажу.

Шура встала разогревать еду. Он не напомнил, что уже будто бы обедал. Когда она поставила перед ним миску, он притянул её к себе и взял ложку.

Они больше не говорили об акте. Шура рассказывала, как Нюра весь урок называла левым рукавом оба рукава и в конце обиделась на платье. Егор слушал и смеялся в нужных местах, а один раз засмеялся по-настоящему. Потом жена села рядом и стала есть из той же миски, выбирая картофель, который ему не нравился. На столе оставалась его копия. Никто не убирал её, пока не кончили ужинать.

* * *

Наутро Егора сначала не узнали.

Человек за столом был другой, моложе вчерашнего. Он попросил назвать фамилию, стал искать среди бумаг, затем послал куда-то помощника. Егор сел у окна. За стеклом выгружали дрова; поленья ударялись о мостовую с одинаковым

сухим стуком. Сегодня было Воздвижение, мастерская не работала. Егор думал о недоделанном звонке, оставленном там со вторника, и ловил себя на желании заняться им вместо ожидания у чужого стола.

Прошло больше часа. Ему захотелось уйти и вернуться после обеда. Он даже поднялся, но как раз тогда его позвали.

В боковой комнате стояли два стола. За одним раскладывал бумаги вчерашний служащий, за другим сидел незнакомый офицер. Фуражка лежала возле его правой руки, пальто было переброшено через спинку стула. Ничего особенно грозного в человеке не оказалось: усталое лицо, коротко подстриженные усы, красноватая полоска на переносице там, где недавно были очки.

Служащий представил его:

— Господин ротмистр Карасёв. По вашему сообщению.

Офицер встал, назвал имя и отчество — Георгий Савельевич — и показал удостоверение. Егор прочёл фамилию. По привычке хотел вытянуться, но Карасёв указал на стул.

— Вы теперь гражданский человек?

— Так точно.

— Тогда садитесь по-граждански. Проверку веду по поручению военной контрразведки. В вашем объяснении говорится о военной приёмке и о работе, которую от вас скрывают. Мне нужно понять, как они связаны. Если не возражаете, сперва несколько вопросов.

Егор сел. Удостоверение, представление знакомым служа-

щим и его вчерашнее объяснение на столе успокоили больше, чем офицерский вид. По крайней мере, этот человек не возник из ворот, обещая всё устроить.

Карасёв спросил о службе, об увольнении, о довоенной работе. На ответах не задерживался, записывал только отдельные слова. Егор приготовился рассказывать о ранении, но его не спросили ни где болит, ни насколько. Спросили, может ли он долго стоять возле аппарата.

— Сидя работать удобнее, — ответил Егор.

— Это и здоровому удобнее. Долго ходить можете?

— Хожу.

— Вопрос был другой.

— Если целый день, к вечеру плохо.

Карасёв кивнул, словно получил величину для расчёта, и перешёл к старой конторе. Егор рассказал всё сначала. На этот раз офицер попросил его изобразить комнату на листе.

Рисунок получился кривой. Лестница заняла половину пола, стол не помещался между окном и дверью. Карасёв смотрел молча, пока Егор не стал зачеркивать линии.

— Мне не на выставку, — сказал он. — Дверь одна?

— Из коридора. И окно во двор. Внутреннее вот здесь.

— Кто мог видеть, что вы делаете?

Егор задумался. В понедельник его занимал провод над головой; теперь комната вдруг оказалась открыта для чужих глаз с нескольких сторон. Из двора было видно движение возле окна. Через внутреннее стекло — часть стола. У двери

мог остановиться кто угодно из работников.

— Я не смотрел.

— Когда Усов ушёл, вы оставались один?

— До Большакова.

— Сколько?

— Не засекал. Недолго.

— На вызов отвечали?

— Нет. Ни я, ни Семён Тимофеевич.

Карасёв попросил показать на рисунке ключ. Потом спросил, почему Егор уверен, что аппарат принимал именно с заднего склада.

— Так ветвь называлась. И провод туда идёт.

— Вы весь его прошли?

— Нет.

Офицер ничего не сказал. Егор почувствовал, что сам сдал ещё одну привычную уверенность, и поспешил пояснить, что в пределах двора он направление видел.

— Верю, — сказал Карасёв. — Направлению. До конца дойдём отдельно.

Он положил перед Егором чистый лист.

— Теперь те слова, которые действительно прочли. Без того, что вам показалось потом.

Егор записал обрывок. Возле последнего слова поставил вопросительный знак, как в понедельник. Карасёв сравнил его с вчерашним объяснением.

— Из этого может следовать обыкновенная поставка.

— Может.

— Может следовать нарушение чьего-нибудь распоряжения. А может — то, о чём вы думаете. У вас есть основание предпочесть последнее?

— Человек пропал. И за меня расписались.

— Основание проверить есть. Законченного ответа пока нет.

Егор откинулся на спинку. Он не ждал, что ротмистр сразу назовёт преступника, но всё-таки надеялся услышать: теперь о вас позаботятся. Вместо этого его слова снова разложили на мелкие части, и каждая по отдельности выглядела беднее, чем весь рассказ.

— Я не за ответом пришёл, — сказал он. — Мне бы, чтобы Семёна Тимофеевича нашли.

Карасёв поднял глаза.

— Вчера вы пришли с его женой. Это я видел в объяснении. А подложную подпись вы тоже принесли ради него?

Егор замолчал.

— Не надо стыдиться, что хотите уберечь себя. Мне удобнее знать обе причины.

— Тогда обе.

Офицер впервые чуть улыбнулся.

Они вернулись к августу. Егор изложил то, что узнал у Петриной, и назвал Стрижова. Карасёв записал адрес, но не объявил его оправданным.

— Даже если вы целый день исправляли проводку у купца,

бумагу могли подписать позднее. Так вам скажут.

— Но я не подписывал.

— Я слышал. Сейчас нужно сохранить оригинал и то, с чем его сравнивать.

Он спросил, откуда у Егора копия. Егор пояснил, что хозяин позволил переписать. Показывать её Карасёву было неприятно: рядом с настоящими служебными бумагами его торопливые строчки выглядели домашним сочинением. Офицер, однако, прочёл внимательно, вернул и попросил пока оставить при себе.

— Что мне говорить на работе?

— Правду. Пришли по своему заявлению. Я послал за вашим хозяином, попрошу открыть контору для проверки бумаг. Самостоятельно ничего не разбирайте и не испытывайте. Если вам велят уничтожить или перенести аппарат, не спорьте с кулаками. Сообщите сюда.

— Пока сообщу, перенесут.

— Поэтому я и еду к хозяину. Расторгуев, если бы я мог одним разговором запретить всем недоброе, мы с вами давно бы разошлись.

Карасёв произнёс это без насмешки. Он дал Егору записанный адрес для следующего обращения и объяснил, кому передать записку, если его не окажется. Не обещал немедленно ответить на всякий стук. Егор прочёл адрес, повторил фамилию человека, которого следовало спросить, и убрал лист отдельно от акта.

— Мне домой можно будет? — спросил он уже у двери. Офицер посмотрел на него, не сразу поняв.

— Сегодня?

— Вообще.

— Сейчас пойдёте к вашему хозяину. Остаётся проверить объяснение. Я не стану обещать вам заранее, чем это кончится.

Егор кивнул. Такой ответ почему-то оказался легче ласкового уверения, которого он ждал.

* * *

У приоткрытой двери мастерской Большаков встретил его без ругани. Он был в пальто; других работников не было. Для проверки Белявский позвал его и Петрину. Егор понял, что хозяин успел приехать раньше.

— Долго ходил, — сказал Большаков. — Хозяин уже ждёт.

— Я предупреждал, где был.

— Меня вчера не предупреждал.

Егор хотел возразить, что сам ещё не знал, куда пойдёт с Вассой Петровной, но старший мастер уже отвернулся. Возле его верстака лежали разобранные звонки. Тот, который Егор не успел окончить во вторник, кто-то передвинул; маленькая пружина выпала и лежала на полу. Он поднял её, положил в коробку, накрыл и пошёл в переднее здание. Ра-

боту оставил до четверга.

Белявский стоял у окна. Карасёв сидел за столом хозяина боком, не занимая его кресла. При нём был ещё человек в неброском пальто; он держал папку и пока не вмешивался.

— Егор Филиппович, — сказал Белявский, — вы могли прежде обратиться ко мне.

— Я обращался.

— По поводу Семёна Тимофеевича. Я бы сам помог его разыскать.

Карасёв не дал разговору развернуться.

— Адриан Лазаревич, мы это слышали. Пожалуйста, покажите бумагу при Расторгуеве. Он подтвердит, тот ли это лист.

Акт лежал в раскрытой папке. Егор узнал загнутый верхний угол, перечень работ, подпись. Теперь рядом с ним находился наряд от четвёртого августа, который принесла Петрина. Она стояла возле шкафа и смотрела на стол.

— Этот, — сказал Егор.

Карасёв попросил ничего не писать на обоих листах. Человек с папкой взял бумаги, перечислил их вслух, и хозяин подтвердил. Дальнейший разговор о том, кому и как их передадут, происходил уже между ним и ротмистром. Егор не всё понял; ему было достаточно увидеть, что подложная подпись больше не исчезнет в шкафу по хозяйскому желанию.

— Лента? — спросил Карасёв.

Белявский позвал Большакова. Тот принёс плоскую ко-

робку из-под мелких деталей. Внутри лежала свёрнутая бумажная полоса. Рядом — снятая с аппарата пустая втулка.

Егор сразу наклонился.

— Зачем снимали?

— Чтобы стол освободить, — ответил Большаков. — Вчера там столяры работали. Аппарат я сам убрал к стене.

— Провод?

— Не трогал. Дотянулся.

Карасёв остановил их вопросом, когда это было сделано. Во вторник утром, до прихода хозяина. Большаков помнил, потому что столяры потребовали стол немедленно, а он не захотел оставлять ленту под опилками.

Полосу развернули на свободном краю стола. Черта записи шла неровно; в одном месте бумага была перегнута, и чёрный след расплылся. Егор не касался её пальцами. Он показал, где начинался прочитанный им кусок. Начала сообщения и здесь не оказалось: Усов пустил бумагу уже после первых знаков. После слов об оконченной приёмке оставалось одно неразобранное слово. За ним виднелись повторённые вызовы, промежутки и у самого хвоста ещё несколько групп.

— Прочтёте? — спросил Карасёв.

Егор прочёл медленно. В одном месте попросил подвинуть лампу. Получилось: «До вечернего закрытия». Теперь, когда никто не стоял у него над плечом и можно было сравнить знаки, последнее слово прочлось. В коротких группах у хвоста были снова вызовы; новых слов они не дали.

— Что у вас закрывают к вечеру? — спросил Карасёв.

— Всё закрываем, — ответил Белявский. — Мы не ночная контора.

Петрина подошла ближе.

— Боковое отделение заднего склада закрывают раньше общего, — сказала она. — Там заказчику отгораживают партии, пока не вывезены.

— Значит, могли говорить о нём?

— Могли. Про остальные помещения я вам не отвечу. За их часы с меня денег не берут.

Она ответила резко, и Егор впервые заметил на её лице усталость. Ей тоже надоело защищать каждое слово ещё до того, как его произнесла.

Карасёв попросил показать помещение. Белявский пошёл с ним сам. Егору велели остаться с человеком при папке, чтобы тот записал чтение ленты. Большаков вышел следом за хозяином. Петрина вернулась за шкаф к своим бумагам, но дверь не закрыла.

Когда Егор закончил, во дворе слышались голоса. Он подошёл к окну.

У заднего склада стоял воз, нагруженный пустыми корзинами. Проезжавший мимо возчик увидел открытую дверь и захотел забрать оставленную вчера у стены бочку. Кладовщик, пришедший к осмотру, держал дверь плечом, не давая протиснуться внутрь. Белявский что-то сказал, показал рукой на боковой вход. Возчик повёл лошадь назад, ругаясь

уже на неё.

— Сегодня открыли только для осмотра, — сказала Петрина из соседней комнаты. — Но и в будни не каждого пускают. Там чужие товары. Бывает, надо полчаса ждать, пока придёт тот, у кого ключ от перегородки.

Егор вспомнил Шурина вопрос: зачем передавать через двор, если можно дойти? От окна до склада было совсем недалеко. Но человек с бочкой всё ещё оставался снаружи.

— А раньше пускали?

— Раньше меньше делили. И людей меньше было, которые от разных хозяев требуют каждый своё.

Она перестала говорить, когда к двери приблизились шаги.

Вернувшись, Карасёв попросил Егора завтра быть в мастерской с утра. Возможно, понадобится проверить старую ветвь. Никакой иной работы на ней пока не делать; хозяин согласен.

— Проверить или посидеть у аппарата? — спросил Егор.

— Начнём с первого. До второго не торопитесь.

Белявский смотрел в окно. По тому, как плотно он держал рот, Егор понял, что согласие далось ему недёшево, хотя денег в комнате никто не просил.

* * *

К Вассе Петровне Егор пришёл к вечеру. После проверки

контору снова закрыли; звонок остался до следующего дня. Пока он шёл, перед глазами всё время возникала чужая подпись.

Васса открыла сразу. Теперь она ждала стука.

Егор рассказал, что бумаги взяли для проверки, что хозяйка расспросили и о Семёне Тимофеевиче сообщили офицеру. Не назвал это успехом. Она выслушала, подвинула к нему табурет, но чай не поставила.

На столе лежал лист с адресами. Один был перечёркнут.

— Это больницы, — сказала она. — Соседка помогла написать. Завтра с утра поеду.

— Вам сказали, сведения проверят.

— Сказали.

Он не стал спорить. Передал Шурины слова про юбку и приглашение прийти. Васса Петровна посмотрела на рабочую сумку мужа, всё ещё стоявшую на табурете у комода.

— Скажите ей спасибо. Юбку пусть пока оставит. Мне теперь всё равно, что надевать.

— Я завтра узнаю, что смогли проверить.

— Узнайте. Только вы мне не говорите «скоро», если вам не сказали.

— Не буду.

Когда он поднялся, она попросила помочь с оконной задвижкой. Створка от сырости туго входила в раму; Васса целый день пыталась закрыть её до конца. Егор открыл свою сумку, вынул инструмент. Работа заняла немного времени.

Пока он поправлял крепление, хозяйка сложила больничные адреса и убрала в сумочку.

Проверив окно, он отступил, уступая хозяйке место: задвижка теперь ходила легко. Васса сама открыла и закрыла её два раза.

— Вот, — сказала она. — А он всегда говорил: зимой разбухнет ещё больше, тогда и поправлю.

Она улыбнулась сердито, как улыбаются привычной семейной неправде. Егор тоже улыбнулся. На минуту Семён Тимофеевич стал здесь обычным живым человеком, который откладывал мелкую работу и знал, что ему снова напомнят.

Глава 6. Хозяйственная передача

Столяры уже успели поставить у стены три новые полки. Четвёртая лежала на козлах поперёк комнаты, и, чтобы добраться до аппарата, Егору пришлось под неё подлезть. Поднялся он не сразу: сначала выпрямил правую ногу, потом левую, держась за край стола. На брюках осталось белое пятно от опилок.

— Могли попросить убрать, — сказал человек с папкой.

— Они вернутся. Опять поставят.

Тот посмотрел на полку, взял её за конец и позвал рабочего из коридора. Вдвоём они перенесли доску к стене. Егор почувствовал себя глупо: он привык обходить препятствия раньше, чем думал, кто их поставил.

Человек представился Виктором Андреевичем Данилиным. Вчера у хозяина его имени не понадобилось, сегодня они должны были провести здесь несколько часов. Данилин снял пальто и аккуратно повесил на тот крючок, где в понедельник висело пальто Усова.

— Вы умеете принимать? — спросил Егор.

— Нет. Записывать умею. Георгий Савельевич просил, чтобы всё, что услышите, оставалось ещё и у меня.

Он поставил стул не рядом с аппаратом, а чуть позади, откуда видел руки Егора. Тот заметил и ничего не сказал.

Большаков привёл столяров. Оказалось, они собирались

работать здесь весь день и не понимали, почему ради старой железки нужно ждать. Старший, широкоплечий мужчина с обрезанными усами, держал в руке рубанок. Он выслушал распоряжение Большакова и спросил, за чей счёт простой.

— Я разберусь, — сказал Большаков.

— Разберётесь вы, а обедать я буду.

Данилин отвёл его в коридор. Говорили недолго; вернувшись, столяры забрали инструмент и ушли в передний сарай, где оставалась работа. Большаков постоял возле двери.

— Хоть ничего не потеряйте, — сказал он Егору. — Вчера втулку искали, будто я её съел.

— Нашли же.

— Вот именно.

Он ушёл. Егор снял ткань с аппарата. Под ней оказалось немного опилок. Приёмник стоял теперь ближе к стене, чем в понедельник; провода тянулись к нему наискось, один был прижат ножкой соседнего стула. Егор попросил Данилина посмотреть и только после этого освободил провод.

Они условились записывать перемены до того, как что-либо двигать. Это замедляло каждое привычное действие. Егор дважды потянулся к винту и отдёрнул руку. Наконец Данилин придвинулся ближе.

— Говорите, я успеваю.

— Если я буду всё говорить, вы за мной половину мастерской опишете.

— Сегодня у нас только этот стол.

Егор осмотрел механизм, поправил положение катушки с чистой лентой, которую принёс из мастерской, проверил ход без передачи. Старая запись была уже у Карасёва; на столе лежала новая бумага. Он сказал об этом вслух, и Данилин отметил начало работы и время по своим часам.

Когда часы сравнили, оказалось, что у Егора они отстают на три минуты.

— Так и запишите, — сказал он. — Понедельник я по своим ставил.

Данилин записал. Потом вынул часы ещё раз и положил перед собой, чтобы больше не доставать.

Ни щелчка не было.

Егор прислушивался к тишине так долго, что начал различать шумы, которых раньше не замечал: скрип пола за стеной, лёгкое дребезжание стекла, когда по двору проезжала подвода. На одном из новых столярных козлов кто-то карандашом вывел имя «Петя» и рядом старательно зачеркнул. Было видно, что зачёркивал другой: линии получились сердитые и глубокие.

В половине одиннадцатого пришёл Карасёв. За ним — Белявский и худой человек в нарукавниках, державший перед собой кепку. На правом виске у него была прилипшая бумажная пылинка. Егор не знал, сказать ли ему об этом.

— Павел Васильевич Кетов, — представил его хозяин. — Из конторы нашего поставщика. Ведёт у них складские записи.

Кетов поклонился всем по очереди.

— Временные, — уточнил он. — Я у них на подмене. Постоянное моё место в конторе при отправке. А здесь Фёдор Иванович болен.

— Передаёте вы? — спросил Егор.

— Когда поручено. Я раньше на телеграфе служил. Потом сменил занятие. Теперь вот опять пригодилось.

Он сказал это с неловкой улыбкой, будто его застали за работой ниже прежнего положения.

Карасёв попросил объяснить порядок. Кетов начал с того, что никаких собственных сведений не передаёт. Ему дают лист с выпиской, он проверяет количество по складскому приёму, если это входит в его работу, и посылает, когда сказано. Затем относит лист обратно. На другой стороне должен находиться человек от поставочной конторы. Кто именно — не всегда известно: смена, поручения, люди заняты.

— А если никого нет? — спросил Егор.

— Зову. Не ответили — записываю, что ответа не было.

— В понедельник вы звали?

Кетов перевёл взгляд на Карасёва. Тот кивнул.

— Я. Про ящики. Мне велено было передать к утру, но раньше нельзя было: приёмщик ещё не кончил. Пока я пересчитал, пока дождался листа...

— Тридцать шесть?

— Если у вас записано тридцать шесть, значит, тридцать шесть. Сейчас я вам без ведомости не скажу.

Это разочаровало Егора сильнее, чем признание в передаче. Ему казалось, что человек, сидевший на другом конце, непременно должен помнить каждое слово. Кетов же, видимо, помнил больше о том, кто задержал его обед.

— Вы знали, что здесь разбирать начали? — спросил Егор.

— Нет. Меня никто не предупредил. Мы и вчера об этом говорили, — добавил Кетов, глядя на хозяина. — Я по двору бегать и спрашивать каждый день не могу.

Белявский сжал губы.

— Вы могли прийти, когда не получили ответа.

— Я не получил его и раньше. Иногда у них никого не было. Мне не велено бросать записи ради их распорядка.

Карасёв попросил Кетова вернуться к своему аппарату. Данилин должен был пройти с ним и посмотреть, как тот передаст условленные обычные слова. Егор остался в старой конторе с ротмистром. Белявский сказал, что его ждут, и ушёл, не взглянув на стол.

— Сейчас он передаст то, что вы слышали здесь, — сказал Карасёв. — Дату и слова про пустую корзину. Запишите и время.

— Что это докажет?

— Для начала, что из комнаты, куда пошёл Данилин, действительно доходит сюда.

Егор хотел заметить, что и так знает направление провода, но удержался. Перед ним сидел человек, которому рисунок

не заменял прохода по двору.

Они ждали недолго. Рычажок дрогнул, послышался первый вызов. Егор пустил бумагу и принял дату — пятнадцатое сентября. Потом передали: «Пустую корзину вернуть». Буквы шли медленно, некоторые промежутки были растянуты. Человек на другом конце знал, что сейчас смотрят на его руки.

Егор прочёл вслух, записал. Карасёв разрешил подтвердить приём теми же условленными словами. Егор положил ладонь на стол, выровнял дыхание и только потом коснулся ключа.

Это был первый ответ, который он посылал по старой ветви.

Рука вспомнила работу быстрее, чем он ожидал. Пальцы не пришлось учить заново. На несколько секунд исчезли чужая подпись, ожидание приказа, боль в ноге. Осталось расстояние между знаками, которое никто не мог за него выдержать.

Он закончил и убрал руку.

— Принято, — сказал вскоре по звуку, не наклоняясь к бумаге.

Карасёв посмотрел на него.

— Это он сейчас передал. Подтверждение, — пояснил Егор.

Офицер кивнул. Ничего не похвалил. Егор был благодарен ему за это.

Когда Данилин вернулся, он подтвердил текст и время. В комнате заднего склада аппарат стоял на отдельном столике за деревянной перегородкой. От складских ворот его не было видно. Кетов передавал при нём, потом положил полученный ответ рядом с журналом.

— Остальную проводку сегодня не трогаем, — сказал Карасёв. — Я договорился, чтобы обычные бумаги приносили, как прежде. Кетов будет делать свою работу. Вы до обеда останетесь здесь, Расторгуев. Если согласны.

Егор поднял голову.

— А если не согласен?

— Тогда вы не будете здесь сидеть. От этого ни ваша подпись не станет подлинной, ни заявление не исчезнет.

— Мне за это у Большакова отвечать.

— Время с хозяином оговорено. Платы за простои с вас не вычтут.

Офицер сказал это уверенно, но Егор всё равно спросил у Большакова, когда тот появился в дверях. Старший мастер поморщился, подтвердил и велел хотя бы не расходовать лишнюю ленту. Карасёв дождался ответа.

— Останусь, — сказал Егор.

Он мог бы объяснить, что хочет помочь найти Усова. Это было бы правдой. Но ему хотелось ещё раз почувствовать ровный ход собственной руки, и эту причину он оставил при себе.

Карасёв уехал, поручив Данилину оставаться при аппара-

те. Обещал вернуться к концу работы Кетова.

* * *

Первое настоящее поручение пришло через сорок минут. Кетов передавал о возврате пустых корзин и недостатке трёх крышек. Начало он повторил, потому что сам ошибся в числе; затем исправился обычным порядком. Егор принял, прочёл Данилину и по условию подтвердил только получение. Никаких распоряжений о движении товара от себя не посылал.

Данилин принёс из коридора небольшой столик. Теперь они могли сидеть, не теснясь локтями. Он оказался неразговорчивым человеком, но не угрюмым: когда у Егора заурчало в животе, достал из кармана завёрнутый пирожок и разломил пополам.

— С мясом? — спросил Егор.

— Покупал как с мясом. Пока не разобрался.

Они съели по половине. Через открытую дверь доносился стук молотков. Рабочий заглянул за своим ящиком, забрал и ушёл, ни о чём не спрашивая. Через минуту вернулся, попросил не сдвигать длинную полку: на ней ещё не высох клей. Данилин обещал.

Второй текст касался уже не тары. Кетов назвал количество деревянных ящиков, затем передал, что осмотр окончен и возчик придёт после трёх. Никакого слова «военный»

на этот раз не было. В конце стояло: «Выдачу только по отдельному листу».

Данилин переписал, сравнил со словами Егора и вышел за Петриной. Она пришла с большой книгой под мышкой, сердитая оттого, что пришлось прервать счёт.

— Это ваши? — спросил он.

— У меня своих ящиков нет. Покажите.

Она прочла запись, открыла книгу, нашла строку и провела по ней ногтем.

— Девятнадцать. Верно. Возврат после исправления упаковки.

— Что внутри?

— В этой книге — ничего. Здесь упаковочные расходы. Содержание по накладной у конторы.

Егор посмотрел на строку. Возле числа стоял знак, похожий на косой крест, потом ещё два числа, меньше первого. Он не успел разобрать заголовки: Петрина накрыла соседнюю страницу ладонью.

— Вы про сегодняшнюю выдачу спрашиваете или вообще хотите меня на весь день занять?

— Про сегодняшнюю, — сказал Данилин. — Оставьте, пожалуйста, выписку только по ней.

Петрина достала из-за обложки узкую полоску чистой бумаги, записала номер расхода и девятнадцать ящиков. Подписалась. Егор заметил, что подпись у неё короткая, почти без украшений, и отвернулся, сердясь на себя за невольное

сравнение.

— В понедельник тридцать шесть так же возвращали? — спросил он.

— Нет. То была другая партия.

— Вы её помните?

— Мне за неё счёт выставили. Я теперь её долго помнить буду.

Данилин попросил подготовить относящиеся к ней бумаги для Карасёва. Петрина закрыла книгу.

— Подготовлю. Только вы договоритесь между собой. Вчера брали наряды, сегодня спрашивают со склада, теперь вы. У меня память одна.

— Бумаги не по памяти нужны.

— Чтобы найти бумагу, сначала надо помнить, куда её положили.

Она ушла, не дожидаясь разрешения. Данилин вздохнул, но вслед не позвал.

За окном остановился мужчина с мешком на плече. Он заглянул в комнату, увидел Егора, кивнул, словно они были знакомы, и пошёл дальше. Егор не успел рассмотреть лицо. Подумал о человеке с ящиком, которого видел в понедельник, но сейчас из сходства было только чужое внимание к открытой двери.

Он сам поднялся и прикрыл дверь наполовину.

— Мешают? — спросил Данилин.

— Смотрят.

— Работа у вас такая, что смотрят?

Егор понял вопрос не сразу. Он опустил руку с дверной ручки.

— Обычно нет.

Данилин встал, вышел в коридор и вскоре вернулся.

— Оставьте как было. Если каждый будет заглядывать в закрытую дверь, нам спокойнее не станет.

Егор открыл её. Ему не понравилось, что даже это движение теперь следовало согласовывать. Он сел, вытер опилки с колена и вдруг захотел оказаться у Зотовых, где причина звонка помещалась между двумя видимыми концами шнура.

* * *

Кетов закончил до обеда. Последняя передача состояла из времени следующего прихода и просьбы прислать расписку за утреннюю выписку. Егор подтвердил получение, как было велено. Потом Данилин остановил бумагу и предложил подождать Карасёва.

Ротмистр пришёл позднее, чем обещал. У него был мокрый воротник и такой вид, будто по дороге пришлось разговаривать с человеком, который не умолкал. Он просмотрел записи, выписку Петриной, спросил о незнакомце с мешком. Данилин ответил, что во дворе в это время разгружали картофель для жильцов переднего дома; кто именно заглянул, он не установил.

— Лица не запомнили? — спросил Карасёв у Егора.

— Нет.

На этот раз не нужно было оправдывать ответ. Офицер перешёл к делу.

— То, что сегодня принимали, имеет обычные хозяйственные подтверждения. Это ещё не значит, что вся работа такая. Но пока будем исходить из того, что видели.

Егор спросил, кто раньше принимал здесь за Кетовым. Карасёв сказал, что выясняют. Из ответов на складе и в конторе выходило несколько фамилий, люди подменяли друг друга. Усов, по словам Кетова, иногда помогал наладить аппарат, но получателем товара не был.

— А в понедельник здесь кто должен был сидеть?

— Этот вопрос задаём.

— Сидеть было негде. Нас разбирать послали.

— Вот поэтому и задаём.

Карасёв помолчал, глядя на новую бумагу. Егор решил, что разговор окончен, и встал. Но офицер спросил, не бросалось ли ему в глаза что-нибудь странное в самих хозяйственных текстах.

Он мог бы заговорить о сухости, о паузах, об осторожной руке Кетова. Всё это было правдой и почти ничего не значило. Вместо этого он указал на вторую запись.

— По отдельному листу выдать. Если лист всё равно принесут, зачем ящики здесь перечислять?

— Успеть приготовить, — сказал Данилин.

— Тоже верно. Только здесь кто готовит? Здесь пусто. Получили — надо снова идти через двор и говорить кому-то. Кетов у себя, кладовщик у себя, а я посередине зачем?

Ротмистр не ответил. Он сложил листы в ином порядке: отдельно хозяйственные данные, отдельно последнее требование расписки.

— Вот это мы и проверим, — сказал он.

Егору захотелось предложить, что расписку можно отнести самому. Он уже открыл рот, но Карасёв поднял ладонь.

— Сегодня дальше не надо. Вы своё сделали.

— Про Семёна Тимофеевича есть что-нибудь?

Карасёв снял очки. Оказалось, он держал их на носу всё время, пока читал, и Егор не заметил, когда надел.

— В тех местах, откуда получили ответ, его нет. По записке работают. Я помню, что вы спрашивали.

Егор кивнул. Слова для Вассы Петровны снова были почти те же, что вчера.

Он помог Данилину свернуть ленту целиком, от пробной передачи до последнего вызова. Положил её в принесённый тем бумажный конверт и надписал время. Письменные записи Данилин убрал отдельно. Аппарат остался на месте. Столяров позвали обратно, предупредив, чтобы к проводам не прикасались.

Уходя, Егор увидел в коридоре Кетова. Тот ждал с кепкой в руках.

— Вам расписку не дали? — спросил Кетов.

— У господина ротмистра спросите.

— Да я спрашивал. Мне сказали ждать. Я жду. Только у меня там выдача после трёх, а здесь всё сидят и думают.

Он произнёс это без злости, с усталостью человека, чья работа не прекращалась оттого, что другие наконец ею заинтересовались. В комнате за спиной Егора снова зашуршал рубанок. Он вернулся к верстаку, окончил звонок, оставленный со вторника, испытал и отложил для выдачи. Только после этого взялся за задержанный чужой уют.

Глава 7. Покупка времени

В пятницу Сенька пришёл с перебинтованным пальцем и сразу заявил, что работать может.

Большаков посмотрел на повязку.

— Тогда чего говоришь?

— Чтобы вы знали.

— Теперь знаю. Подай коробку.

Мальчик взялся здоровой рукой, задел краем коробки стол, и наконечники рассыпались по полу. Большаков закрыл глаза. Егор присел возле ножки верстака и начал собирать. Сенька стоял над ним, прижав больную руку к животу.

— Ты тоже можешь, — сказал Егор. — Одной рукой.

Они собрали почти всё. Один наконечник закатился под шкаф. Сенька принёс тонкую планку, лёг на живот и долго водил ею в пыли. Достав нужное, сел прямо на пол и разжал пальцы.

— Вот он.

На ладони лежали два наконечника: свежий и потемневший, с кусочком провода.

— Теперь расскажи Михаилу Фомичу, — сказал Егор.

Сенька посмотрел на него с испугом. Пропажу, из-за которой боялся Усова, он так и не признал. Егор это помнил, но два дня не спрашивал: было не до чужой мелкой трусости.

— Он и так сердитый.

— Старый нашёл. Новый под шкаф загнал. С чего начать, выбирай.

Мальчик поднялся, вытер ладонь о штаны и пошёл. Большаков выслушал, велел старый положить отдельно, новый пересчитать со всеми, потом спросил, чем порезал палец. Оказалось, дома строгал игрушечную лошадь брату. Старший мастер взял принесённый Сенькой нож, проверил лезвие ногтем и молча убрал в ящик.

— Отдадите? — спросил мальчик.

— Наточу, отдам. Тупым больше силы давишь.

Егор вернулся к утюгу. Он снял крышку ещё вчера, после работы на линии, и теперь никак не мог вспомнить, куда положил маленькую шайбу. Сенька нашёл её первым: она прилипла к капле масла на тряпке.

— Вам тоже Михаилу Фомичу рассказать? — спросил он.

— Обязательно. Вечером доложишь.

Сенька улыбнулся. Егор улыбнулся в ответ и только после этого заметил Петрину в дверях.

Она сказала, что хозяин просит зайти, и ушла, не добавив причины.

* * *

На столе Белявского больше не лежало акта. Освободившееся место заняли письма и большой каталог с рисунками приборов. Хозяин подвинул стул, приглашая сесть.

— Вы вчера уходили после обычного времени.

— Утюг остался. Сегодня кончу.

— Мне сказали. Работы на месте у нас достаточно. Вы ведь не станете отрицать, что разъезды для вас тяжелы?

Егор приготовился услышать, что теперь за его отсутствие будут удерживать. Вместо этого Белявский открыл каталог и показал страницу с электрическими звонками.

— Здесь целая партия для исправления. Другая будет на следующей неделе. Нужен человек, который не просто перебирает, а принимает и сдаёт. Большаков не успевает. Усов неизвестно где.

На имени Усова он сделал короткую остановку. Не вздохнул, не добавил благочестивого пожелания. Егору это понравилось и одновременно задело: ещё живой человек уже превращался в свободное место за столом.

— Мне вместо него?

— Вам свою работу. Часть его поручений временно возьмёт Михаил Фомич. Часть — вы. Самые простые отдадим ученику. Иначе нам всем придётся ждать, пока найдётся один мастер.

Хозяин вынул лист с перечнем будущих обязанностей. Речь шла о приёме мелких приборов, проверке законченного ремонта, записи расхода деталей. Внизу стояла новая недельная плата, выше прежней.

Егор прочёл число два раза.

— Это за всё?

— За работу, которую вы видите. Лестницы и дальние адреса большей частью уйдут к другим. Если понадобится выезд, договоримся.

— А линия?

Белявский закрыл каталог.

— Я предпочёл бы, чтобы этой истории у нас не было. Но она есть. Георгию Савельевичу я подтвердил, что время вчерашней проверки оплачивается. Я не желаю каждое утро обсуждать, где мой работник и кто должен его кормить. Мне нужен порядок.

— За август я ничего задним числом не подпишу.

Хозяин посмотрел на него с таким выражением, будто Егор испортил хорошую, почти оконченную вещь.

— Я вам этого не предлагал.

— Тогда хорошо.

— Вы меня дослушайте. У нас есть заказы, при которых от мастера требуется молчание. Это существовало до вашего прихода. Если поставщик требует не обсуждать содержимое ящика с соседями, мы исполняем. Если вы в каждом таком требовании увидите преступление, работать будет невозможно.

— Если расписываются моим именем, тоже невозможно.

Белявский провёл ладонью по закрытому каталогу. На мгновение Егору показалось, что разговор сейчас кончится увольнением, и все будущие цифры исчезнут вместе с листом. Он успел подумать о Шуре, о воскресенье и о том, как

нелепо будет объяснять, что хорошее место предлагали, но он не удержал язык.

— С этим разбираются, — сказал хозяин. — Я передал бумагу. Вы видели.

Он вынул второй лист. На нём было подтверждение о принятии нынешних обязанностей, начиная с ближайшего понедельника. Никакого августа не оказалось. Егор прочёл целиком, включая мелкую приписку о сохранности переданных приборов.

— За уже недостающее я тоже не отвечу.

— Примете по наличию. С Большаковым составите перечень.

— А если в закрытой коробке окажется разбитое?

— При заказчике будете открывать. Расторгуев, я нанимаю вас именно затем, чтобы не платить потом за такое разбитое.

Егор понял, что ему действительно предлагают место, на котором его осторожность могла быть полезна хозяину. От этого сделалось труднее подозревать каждый пункт и легче принять всё разом. Он заставил себя прочесть ещё раз.

Белявский ждал. В передней спорили о том, кто должен занести пачку каталогов. На улице звякнул трамвай, затем стук колёс перешёл в ровный шум. Егор подумал, как хорошо будет однажды провести день за своим столом и прийти домой, не считая последние ступени.

— Берусь, — сказал он.

Подписался медленно, чувствуя каждую букву. Хозяин забрал лист, а перечень обязанностей оставил ему.

— Если нужен аванс, скажите Надежде Антоновне. В пределах двух недель. Выходить на новое место с долгами не советую.

— У меня не долги.

— Тогда тем лучше.

Егор уже поднялся, когда Белявский добавил:

— И ещё. Я бы не хотел, чтобы рабочие узнавали о собственных делах от людей в пальто. Что относится к мастерской, говорите мне. Если вам прямо велено молчать — так и скажите. Я не стану вытягивать.

Это прозвучало разумно. Именно поэтому Егор не ответил сразу.

— Что могу, скажу.

Белявский кивнул. Было неясно, устроили его слова или он просто разрешил уйти.

* * *

У Петриной сидел Озеров. Он держал открытый конверт, а она считала на счётах, не глядя на него. Егор остановился в дверях, собираясь подождать.

— Проходите, — сказала Петрина. — Это надолго.

Озеров поднялся, уступил стул. На конверте виднелись две чужие фамилии, зачёркнутые разными чернилами. Он

заметил взгляд Егора и вздохнул.

— Ищу человека, который примет собственный заказ. Пока нашёл двух, которые его не заказывали.

— Вы нашли двух, которые платить не собираются, — сказала Петрина. — Заказывать они умели.

Она сдвинула последнюю костяшку и записала сумму.

Егор показал оставленный хозяином перечень. Петрина быстро прочла, достала нужную тетрадь и спросила, сколько хочет получить вперёд.

— За неделю.

— По старой плате или по новой?

Он не подумал об этом. Озеров отвернулся к окну, давая им возможность говорить как будто без свидетеля.

— Новая с понедельника, — сказал Егор.

— А выдаём сегодня.

— Тогда по старой.

— Нет, я спрашиваю не для того, чтобы вы сами себе уменьшили. Мне нужно знать, что разрешил Адриан Лазаревич.

Она послала за уточнением мальчика из конторы. Пока ждали, Озеров поинтересовался, нашёлся ли Усов. Егор ответил коротко.

— Я вчера у них в доме был, — сказал Озеров. — Вассу Петровну не застал. Соседка сказала, по больницам ходит.

Егор посмотрел на него. Вчера вечером Васса вернулась поздно; он занёс ей ответ Карасёва и встретил на лестнице,

измученную, сердитую на свои ноги. Она не говорила, кто приходил в её отсутствие.

— Вы давно их знаете?

— Семёна Тимофеевича — давно. Жену меньше. Он ко мне обращался, когда хотел прибавки за дополнительные часы. Просил передать хозяину поставочной конторы, потому что тот редко бывает на месте.

— За какие часы?

Озеров посмотрел на него без удивления.

— Вы лучше спросите Надежду Антоновну. У меня память на обещания плохая, а у неё книга.

Петрина подняла голову.

— У меня в книге записано, за что выплатили. Обещанное вы сами помните.

— Видите? — сказал Озеров. — Поэтому я и хожу с конвертами. Чтобы хоть что-то осталось.

Егор не стал расспрашивать при ней дальше. Петриной уже поручили подготовить документы для Карасёва; Егор не имел права требовать чужую книгу только потому, что рядом произнесли нужную фамилию. Но собственное молчание показалось ему трусостью, купленной ещё не полученными деньгами.

Озеров тем временем попросил Петрину вписать адрес в счёт. Сам достал карандаш, хотел показать место, но тот оказался сломан. Он повертел его в пальцах и убрал.

— У вас нож есть? — спросил у Егора.

Егор достал складной нож, протянул раскрытым, рукоятью вперёд. Озеров очинил карандаш над пустой коробкой, тщательно собрав стружку. Вернул нож закрытым.

— Спасибо. Семён Тимофеевич всегда за меня чинил. Говорил, я дерево перевозжу.

Егор положил нож в карман. Обычное упоминание привычки Усова вдруг оказалось неприятнее прямого вопроса. Этот человек знал старого мастера в те годы, когда Егор ещё не видел его лица. У каждого было своё право говорить о нём, и ни одно не вело к его нынешнему адресу.

Вернулся конторский мальчик. Аванс разрешили по новой плате. Петрина отсчитала деньги, положила перед Егором и повернула расходную книгу.

— Здесь подпись. И дату сегодняшнюю, пожалуйста.

Егор прочёл строку. Она подождала, не торопя. Он расписался, пересчитал деньги, убрал в разные карманы мелочь и бумажные. Озеров снова смотрел в окно.

— Не забудьте, — сказала Петрина, — это впереди заработанное. Не прибавка к нынешней неделе.

— Понимаю.

— Говорю всем.

Егор не обиделся. Ему нравилось, что деньги, в отличие от подозрений, имели сейчас точное название.

Дома он положил их на стол до ужина.

Шура сперва обрадовалась, затем спросила, за что.

— Аванс. С понедельника другое место у того же хозяина.

На приёме и проверке. Больше в мастерской буду.

Она выслушала и сразу попросила показать перечень.

Егор протянул бумагу. Шура прочла медленно, потом задержалась на строке о принятом имуществе.

— Значит, весь недочёт на тебя?

— Только что сам приму. Я спрашивал.

— Хорошо бы и написано было так.

— Написано. Вот: по составленному перечню.

Она нашла место, кивнула и вернула. Потом взяла деньги, пересчитала и отделила часть в маленькую жестяную коробку.

— Это на комнату? — спросил Егор.

— Это пока ни на что. Ты ещё не заработал.

— Я заработаю.

— Я знаю. Только в воскресенье посмотрим стены, свет и хозяйку. А потом будем радоваться.

— Хозяйку тоже на свет?

— Обязательно. На тёмной лестнице все добрые.

Егор засмеялся. Шура улыбнулась, но коробку не открыла.

Она уже успела узнать больше, чем рассказала в понедельник. Комнату отдавали только днём; вечером там соби­рался хозяин с двумя знакомыми, они занимались переплёт­ом старых книг. Большой стол можно было оставить, но швей­ную машину требовалось убирать к стене. За печь отдельно не просили, зато нужно было делить расходы на дрова. Шура хотела договориться, чтобы хотя бы ткань не таскать каждый день туда и обратно.

— Книги режут ножом, — сказал Егор. — Твой ситец порежут.

— Поэтому и посмотрим.

— И клей.

— Поэтому я уже спросила про шкаф.

Он помолчал. Шура посмотрела на него с улыбкой, от которой он почувствовал себя мальчишкой, объясняющим взрослым, что бывает дождь.

— У меня ещё будут вопросы, — предупредил он.

— Запиши. А то все до воскресенья израсходуешь.

Она расстелила на столе бумагу, начертила комнату, как представляла со слов хозяйки. Машину обозначила прямо­угольником, стол — большим квадратом. Егор придвинул к себе карандаш и нарисовал место для лампы. Потом они стали спорить, где сидеть ученицам. Шура посадила их так, чтобы видеть руки обеих; Егор напомнил об окне. Они повер­нули стол на рисунке, и вход оказался загорожен.

— Вот и первая примерка, — сказала Шура.

Вторую сделали удачнее. Денег для всего всё равно не хватало. Нужны были хотя бы ещё один стул, доска для утюжки и запирающийся ящик. Егор предложил сам сколотить ящик. Шура спросила, когда.

Он не ответил сразу.

— Не к этому воскресенью, — сказал наконец. — Позднее. Сначала принять новое место надо.

— Тогда пока я посчитаю покупной. Если сделаешь, останутся деньги.

Она не дала ему подарить будущую работу раньше, чем появилось свободное время. Егор рассердился на одну секунду, потом подумал, что за последние дни уже раздал часов больше, чем у него было.

Нюра оставила у них платье, которое требовалось закончить к субботе. Шура убрала рисунок и вернулась к нему. Егор приготовил чай, подвинул лампу так, чтобы жена не заслоняла свет плечом. Сел напротив и стал разбирать свои записи о новых обязанностях.

Некоторое время они работали молча. Машина шла короткими очередями, останавливалась, Шура проверяла ткань. Потом спросила:

— Завтра опять к аппарату?

— Пока не сказали.

— Ты всё-таки сегодня там был?

— Вчера. Сегодня обычная работа.

— А я думала, только показывал им, где что стоит.

Егор поднял глаза. Он действительно рассказал о вчерашнем дне так, что главным стало отсутствие новостей об Усове. Приём, ожидание, собственный ответ на ключе остались за скобками. Ему не хотелось пересказывать дома хозяйственные сообщения, которыми теперь занимался офицер. Но о собственной работе он мог рассказать.

— Принимал тоже. При их человеке.

Шура сняла ногу с педали.

— Это теперь твоя работа?

— Нет. Попросили помочь.

— Надолго?

— Не знаю.

Она поправила ткань на коленях. В комнате стало слышно, как в соседней квартире кашляет мужчина.

— Если в воскресенье не сможешь, мне надо знать раньше, чем я оденусь, — сказала она.

— Смогу.

— Ты уже знаешь?

— Я сам скажу, что занят.

Шура посмотрела на него внимательно и снова опустила ногу на педаль. Егор хотел добавить, что он больше не солдат и может распорядиться своим выходным. Но на столе лежала бумага, которую только сегодня подписал, а в кармане — адрес Карасёва. Он не стал произносить этого вслух.

Перед сном Шура убрала жестяную коробку на верхнюю полку буфета. Егор заметил, что к авансу она прибавила

несколько собственных монет. Он не спросил, сколько. Завтра ему предстояло принять у Большакова первый ящик приборов, и впервые за эту неделю он подумал о следующем дне не только как о времени, когда могут прийти новые дурные сведения.

Глава 8. На чужой стороне двора

Первый ящик не прошёл в дверь.

Его поднесли со двора вдвоём, поставили на ребро, повернули и упёрли в косяк. Сенька подсказал снять крышку, за что грузчик назвал его учёным человеком и предложил сперва снять собственную голову. Большаков велел перестать толкать: уже откололи кусок штукатурки.

Егор посмотрел на ящик, потом на окно. Через окно было бы просторнее, но снаружи мешала поленница.

— Там и откроем, — сказал он. — На дворе.

Грузчик вытер лоб рукавом.

— Вам при хозяине велено. Хозяин уехал.

— При том, кто сдаёт. Вы сдаёте?

— Я ношу.

Большаков послал за человеком, который привёз груз. Оказалось, тот ушёл в задний двор подписывать другую бумагу. Грузчики не хотели ждать: их наняли на вынос, а теперь заставляли охранять деревянную коробку. Большаков повёл их к следующим вещам и велел Егору самому найти сдающего.

— Начинай принимать, раз взялся. Я с тобой весь день сидеть не буду.

Егор взял перечень, который ему дали вместе с грузом. Вверху значились звонки и несколько частей к ним, ниже

стояла общая оценка. Состояние не было указано. Он хотел спросить об этом, но Большаков уже ушёл за грузчиками.

Сенька тронул пальцем скол на косяке.

— Потом заделают.

— Потом. Ничего здесь без меня не вытаскивай.

— Я и не собирался.

Егор сунул перечень в карман и пошёл через двор.

За корпусом, где находилась старая контора, был узкий проход. Он видел его в понедельник издали, теперь вошёл под арку и остановился, пропуская женщину с двумя пустыми вёдрами. Внутренний двор оказался теснее, чем представлялся: длинный навес, стена склада, телега у ворот. Колёса глубоко вдавили грязь в землю. Между колеями лежали доски, по которым ходили, удерживая равновесие вытянутыми руками.

У боковой двери ругались. Егор узнал голос Кетова раньше, чем увидел его самого.

— Мне копию оставьте. Вы всё уносите, а потом с меня спрашивают, кому выдал.

Молодой человек в коротком пальто держал под мышкой папку. Одной ногой он стоял на тележке, другой на земле, будто собирался оттолкнуться и уехать прямо посреди разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.